

**НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕНОМЕНА ТРАНСГРАНИЧЬЯ**

**Работа является частью коллективной монографии
Позиционирование территорий байкальского региона
в условиях трансграничья. Новосибирск: Наука, 2012, с. 338–404**

Процессы глобализации и модернизации, вступившие в XX веке в необратимую стадию, породили трансграничье как новое явление и новый объект научного исследования. Есть основания отнести время его появления к началу 80-х гг. XX в., когда интеграционные процессы в Западной Европе и Северной Америке породили первые попытки осмысления феномена регионализации международных отношений. Так появились на свет две научные школы – американская и европейская, – наличие которых отражает две объективно существующие формы трансграничной интеграции. К настоящему моменту сложный и многоуровневый характер явления обуславливает множество подходов к его изучению, а сам массив накопленной информации делает это множество еще одним предметом исследования. Целью данной работы является обзор (1-я часть) и критический анализ (2-я часть) методологических подходов к изучению феномена российско-китайского трансграничья и его проблем, в частности, проблемы асимметрии трансграничного взаимодействия в Восточном Забайкалье и на Дальнем Востоке.

I

Комплексный подход в физической, экономической и политической географии

В первую очередь необходимо отметить возможные общенаучные подходы к изучению феномена трансграничья, часть которых к настоящему времени стала реальностью. Вне зависимости от избранного методологического подхода или даже комплекса подходов, трансграничье – это всегда взаимодействие, следовательно, система. В качестве системного взаимодействия трансграничье может и должно рассматриваться как в конкретно-дисциплинарных и отраслевых исследованиях (география, экономика, международные отношения, демография и др.), так и при междисциплинарном исследовании и философском осмыслении данного феномена.

Примером системного исследования в области экономической и политической географии являются коллективные монографии «Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран» и «Геополитический потенциал трансграничного со-

трудничества стран азиатско-тихоокеанского региона» [Приграничные и трансграничные территории... 2010; Геополитический потенциал... 2010]. Несмотря на то, что заявленная в названии цель первой работы – поиск решения проблемы устойчивого развития азиатской части России, – она претендует на «всестороннее рассмотрение природно-ресурсных, геоэкологических, социально-экономических и геополитических процессов и явлений на данной территории с учетом ее трансграничности». Приграничные территории «развитых стран», входящие в бассейны рек Амура и Селенги, рассматриваются как единые трансграничные территории, или геосистемы [Приграничные и трансграничные территории... 2010]. Вторая работа посвящена геополитическому аспекту трансграничья, ее авторы обращаются, прежде всего, к проблемам АТР, но это имеет немалое значение для осмысления процессов, происходящих в забайкальском трансграничье. Здесь системный подход осуществляется на уровне рассмотрения мировой и азиатско-тихоокеанской систем геополитики [Геополитический потенциал... 2010].

Комплексная и экономическая география. Благодаря применению системного подхода география стала одной из основ комплексной междисциплинарной методологической разработки проблемы [Бакланов, Ганзей 2010б]. П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей дают трактовку основных понятий: «приграничная территория» и «трансграничье». Первое может пониматься как «территория с наличием свойств реального и потенциального взаимодействия и взаимовлияния соседних государств» [Там же, с. 13], или как территории, «непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития международного сотрудничества» [Там же, с. 14]. Трансграничье же – это особая международная трансграничная территория, обладающая достаточной целостностью, формирующаяся в процессе многостороннего взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий двух соседних стран. Авторы выделяют семь факторов, обуславливающих специфический потенциал трансграничья [Там же]. Конечное определение, данное после анализа факторов, таково: «Международная трансграничная территория – это территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух и более соседних стран и обладающих сочетаниями природных ресурсов и тех или иных видов хозяйственной деятельности, природным основанием которых является либо единая геосистема, либо сочетание двух или более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы» [Там же, с. 16]. Это «комплексная географическая структура, сочетающая в себе определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселения населения, а также его хозяйственную деятельность в границах

крупной геосистемы» [Там же]. Трансграничье понимается как многоуровневое полиструктурное образование даже с точки зрения одной лишь географии [Бакланов, Ганзей 2010а]. Дается описание основных географических структур: природных, природно-ресурсных, экономических, природоохранных, этнокультурных, муниципальных [Там же, с. 18]. За каждым типом географических структур закрепляется наличие их свойств, авторы работают с понятиями трансграничной асимметрии природопользования и трансграничной асинхронности природопользования [Там же, с. 20].

А.К. Тулохонов полагает, что «трансграничными» отношения могут быть только «при наличии экономических, культурных, политических связей, отношений и интересов между соседними странами» [Тулохонов 2010, с. 30]. Автор отмечает, что «если по каким-то причинам приграничное население развивается без каких-либо контактов между собой, понятие трансграничных отношений здесь неприменимо» [Там же]. В качестве примера он приводит недавнее прошлое российско-китайских отношений: советско-китайский период напряженности и конфронтации.

Автор выделяет «уровни исследования феномена» [Там же, с. 30 – 31]. На первом уровне предметом исследования являются отношения между соседними государствами, на втором – региональные отношения, на третьем – отношения между населенными пунктами в приграничной полосе. Автор дает подробную классификацию границ «на основе комплексных географических и геополитических критериев» [Там же, с. 35] и затрагивает правовой аспект проблемы приграничного сотрудничества [Там же, с. 31 – 34]. В качестве примера приводит европейское сотрудничество и его законодательные акты и договоры, проводит мысль о необходимости использования западного опыта интеграции [Там же, с. 34]. Автором высказано весьма важное суждение о том, что развитие приграничных территорий определяется объективными и субъективными факторами, и что население данных территорий должно нести особую ответственность [Там же, с. 43]. Однако методологический потенциал этого, на первый взгляд, тривиального утверждения, к сожалению, не был реализован в полной мере, о чем пойдет речь во второй части нашей работы.

Политическая география также представляет собой комплексный подход к теоретической разработке проблемы.

П.Я. Бакланов и М.Т. Романов трактуют трансграничную территорию в геополитическом смысле как территорию, которая является «сферой пересечения геополитических интересов соседних стран» [Бакланов, Романов 2010, с. 67]. Приводят данные (экономическое ослабление и демографический спад), указывающие на всю серьезность геополитических проблем российского дальневосточного трансграничья.

Одной из ключевых разработок геополитического аспекта проблемы трансграничья можно назвать работу А.Б. Волынчук, в которой автор предлагает методологию геополитической экспертизы [Волынчук 2010].

А.Н. Новиков, разрабатывая геополитический аспект проблемы, описывает механизм, обуславливающий диалектический характер приграничных районов [Новиков 2010]. В основе диалектики взаимодействия приграничных территорий, следовательно, диалектического характера самого феномена трансграничья лежит противопоставление военной и экономической функций приграничных регионов. Функции военно-стратегического и демографического буфера противопоставляется функция осуществления экономических контактов. Автор оперирует понятиями «трансграничное давление» и «трансграничное притяжение», что является попыткой формализации многосторонних аспектов трансграничного взаимодействия на основе политической географии [Новиков 2010, с. 27].

Необходимо отметить комплекс специальных исследований в рамках геополитического изучения феномена трансграничья.

Я.А. Фролова разрабатывает проблему с точки зрения военной конфликтологии, рассматривает «милитарный район» как трансграничный [Фролова 2010б]. Если есть военная конфронтация и приграничный район преобразуется в милитарный район, который автор трактует как «временное политико-территориальное образование, возникающее в пределах конкретных пространственно-временных координат на основе действенной стороны военного конфликта» [Там же, с. 559]. Автор соотносит понятия «конфликтогенная зона», «милитарный район» и «трансграничный район», что имеет большое значение для разработки теории трансграничья.

Значительную часть составляют специальные исследования, посвященные конкретным вопросам [Бреславец 2010; Горина, Новиков 2010; Ковалев 2010], также необходимо упомянуть работы в области общих вопросов геополитики трансграничья [Гарусова 2010; Ермолаев 2010; Жамсаранов 2006; Желтов 2010; Зыков 2010; Розов 2006; Синякин 2010; Хобта 2010; Шинковский 2006; Шинковский 2010]. Какая-то часть из них могут стать образцами исследования феномена трансграничья, какая-то, к сожалению, испытала влияние штампов и идеологем, что не удивительно ввиду близости геополитики и идеологии, их соединения на мировоззренческом уровне. Само количество работ говорит о большом интересе к данному аспекту проблемы, из чего можно сделать совершенно особые выводы.

Нужно отметить также, что в большинстве случаев исследования базируются на старой методологии, находящейся в дискурсе «международного сотрудничества». Новый предмет – трансграничье – пока не обретает собственного теоретического и методологического статуса.

Эмпирическая история

Изучение феномена трансграничья методами исторической науки обусловлено тем, что трансграничье – это система, существующая и развивающаяся во времени. Предстоящий перед нами в настоящий момент тот или иной регион есть результат предшествующих общественных процессов. Адекватно осмыслить современное состояние пограничного взаимодействия макросоциальных субъектов невозможно без изучения истории развития этого взаимодействия. Более того, исследователя должна интересовать здесь не только история формирования государственной границы и международных отношений, но и общественная, экономическая, политическая, культурная история этих народов и государств в целом. Историческое изучение системного взаимодействия с необходимостью требует внимания к элементам за пределами этого взаимодействия, поскольку мы имеем дело с системой пограничного характера. Так, например, социально-экономическое и политическое устройство стран забайкальского трансграничья, их культурная принадлежность, геополитические интересы и внешнеполитические контакты имеют более чем тысячелетнюю историю и в сконцентрированном виде предстают перед нами в особенностях исследуемого феномена. Поэтому, с одной стороны, трансграничье может стать отдельным объектом исторического исследования, с другой – *средством* изучения общественной истории сопредельных стран и народов. До настоящего момента таким средством, или содержательной линией общественной истории были региональная история, историческое краеведение и история международных отношений на том или ином направлении. Феномен трансграничья, не сводимый ни к первому, ни ко второму, ни к третьему, представляет собой принципиально новый объект исторического исследования [Константинов 2006]. Из сказанного следует, что для комплексного изучения этого явления необходимо, во-первых, привлечение исторического научного потенциала, и, во-вторых, использование исторических методов социологического и социально-философского исследования. В последнем случае необходимо применение сравнительно-исторического метода: забайкальское трансграничье не является чем-либо исключительным, это частный случай глобального общественного явления. Сравнительное изучение трансграничных взаимодействий Европы, Азии и Америки, выделение здесь общего, особенного и единичного позволит понять общественную сущность и выявить специфику этого явления в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Таким образом, понимание и признание *историчности* изучаемого явления открывает широкие перспективы для использования методов исторической науки, а его системный характер обязывает обратить внимание на исторические исследования разных сфер и уровней, так или иначе касающихся трансграничного взаимодействия. Здесь потен-

циал исторической науки в изучении трансграничья Восточного Забайкалья и Дальнего Востока уже в значительной мере реализован. В нашем распоряжении имеются фундаментальные труды и источники по истории торговых и политических международных отношений в данном регионе, возникшие еще в рамках советской исторической науки [Александров 1969; Базилевич 1927; Банников 1949; Беспрозванных 1983; Борисов, Колосков 1977; Демидова, Мясников 1966; Дубинский 1980; Мясников 1980; Романова 1987; Сладковский 1977], а также современные исследования, в том числе проведенные на территории забайкальского трансграничья [Барфилд 2009; Белов 1997; Ван Сюэлэй 2005; Константинов 2006; Ледовский 1999; Лю Чжаоди 2005; Панцов 2001]. Нельзя проигнорировать многочисленные труды отечественных востоковедов-синологов, которые, с одной стороны, сами стали результатом трансграничного процесса, с другой – отражают в себе некоторые фундаментальные закономерности этого процесса [Васильев 2003; Галенович 2002, 2003; Делюсин 2001, 2004; Бичурин 2002а, 2002б; Селищев 2004; Непомнин 2005].

Сравнительное изучение мировых явлений трансграничья вплотную подводит к необходимости выделения фундаментального и прикладного, теоретического и практического уровней исследований. Разумеется, в первом случае неопределимую роль играют указанные исторические, а также историко-культурные и философские исследования, во втором весьма полезны работы экономистов, географов, политологов, социологов, экологов, юристов. Но в любом случае трансграничье является примером идеального совмещения фундаментальных и прикладных исследований. С одной стороны, забайкальское трансграничье объективно существует, есть весьма сложная и протяженная граница между тремя странами, есть древние этносы и их богатейшие уникальные культуры, есть их приграничное государственное, экономическое, социальное, культурное и экологическое взаимодействие. Есть, наконец, история этого взаимодействия, все это необходимо изучать. С другой стороны, качество, культура, уровень этого взаимодействия есть объект практического воздействия, и здесь исследователь выступает как активно действующий субъект. Мировой опыт трансграничья показывает, что такое взаимодействие может быть более или менее цивилизованным, рациональным, управляемым и совершенным, и субъекты взаимодействия могут активно на это качество влиять.

Здесь и обнаруживаются серьезные изъяны, не позволяющие приведенному выше массиву исторических исследований выйти на теоретический уровень, а затем на уровень практического применения. Эти изъяны порождены почти полным отсутствием в отечественной историографии склонности к теоретизированию, целью которого являются законы. Так сложилось, что теоретическая история и макросоциология почти не развита в России, не признается большинством исследовате-

лей в качестве перспективного и значимого научного направления. Как следствие историческая наука ограничивается эмпирическим уровнем, теоретический уровень отечественной историографии представлен не более чем обменом суждений.

Теоретическая история

Теоретическая история и историческая макросоциология обладает серьезным познавательным потенциалом, выходящим на практический уровень, что дает ей ярко выраженная прогностическая функция [Розов 2009]. Российский философ Н.С. Розов, активно приносящий на отечественную почву данное научное направление [Разработка и апробация... 2001], предлагает не ограничиваться эмпирическими исследованиями истории с почти моментальным переходом философскому уровню, а заняться обнаружением исторических законов, рассматриваемых как «теоретические суждения с всеобщей условной формой и наличием эмпирического подкрепления» [Розов 2009, с. 45]. Эпистемологически опираясь на «логический эмпиризм» – синтез идей К. Гемпеля, И. Лакатоса, К. Поппера [Лакатос 1995; Поппер 1983; Hempel 1942], Н. Розов отстаивает «номологический подход» к изучению истории, что означает обязательно «изучение эмпирических явлений с целью объяснения и/или предсказания на основе законов (номос)» [Розов 2009, с. 57]. Цель «номологического синтеза» – «получение достоверных теоретических положений (научных законов)» [Там же, с. 58].

Данный подход предполагает широкое использование методологии исторической макросоциологии, развивающейся на стыке истории, социологии, социальной философии, философии истории, исторической демографии, политологии. В основе лежит методология исследовательских программ, комплекс общенаучных методов и наиболее современные методы социальных и исторических наук: средства анализа исторической динамики (модели, графики, тренд-структуры), сравнительно-исторические подходы, логические средства анализа причинных связей и др. Все это представлено достаточно подробно в работах самого автора [Разработка и апробация... 2001; Розов 2002; Розов 2009] в данном случае нет особой нужды вдаваться в методологические подробности этого, пока еще потенциального поля исследований. Обратим внимание на то, что уже сейчас может быть активно использовано при изучении трансграничного взаимодействия и его проблем (некоторые законы и положения будут использованы нами во второй части работы).

Среди уже имеющихся (выдвинутых и эмпирически подтвержденных) подходов, законов и закономерностей, которые могли бы сами по себе объяснить некоторые факты трансграничного взаимодействия при применении их к изучению данного объекта можно назвать:

– принципы роста и упадка цивилизаций А. Тойнби [Тойнби 1991];

– причинные факторы социальных революций Т. Скочпол [Skocpol 1979];

– законы социальной плотности и законы взаимовлияния социальной организации власти и ресурсов Э. Дюркгейма и Р. Коллинза [Дюркгейм 1990; Collins 1975];

– законы геополитической динамики Р. Коллинза [Коллинз 1998];

– законы социальной эволюции Л. Уайта (зависимость макродинамики сообществ от количества производимой и потребляемой энергии) [Уайт 2004] и Р. Карнейро (зависимость макродинамики сообществ от концентрации населения) [Carneiro 2000];

– законы популяционной динамики, величины территории и культурной дифференциации Дж. Тернера [Turner 1996];

– законы смены динамических стратегий Г. Снукса [Snooks 1998].

Немалое значение имеет применение идей и подходов, высказанных в уже имеющихся классических работах в области теоретической истории, среди которых можно назвать:

– мир-системный анализ И. Валлерстайна [Валлерстайн 2001];

– экогеографический детерминизм Дж. Даймонда [Diamond 1997];

– объяснение феноменов стремительных модернизаций сменой динамических стратегий Э. Джоунса [Goudsblom, Jones, Mennell 1996];

– идея «стесненности» как фактора изменения социальных структур и сравнительный анализ уровней сложности доиндустриальных обществ в зависимости от демографической динамики Р. Карнейро [Carneiro 1970; Carneiro 1988];

– теория революции служилого класса Р. Хелли [Hellie 2005].

Полагаем, нет особой нужды доказывать, насколько полезным может оказаться применение данной методологии к изучению феномена трансграничья – сравнительно нового и постоянно изменяющегося в условиях сложного современного взаимодействия объекта. Целью такого исследования должно стать именно позитивное – проверяемое и способное к историческому предвидению – знание.

Социология и демография

Социологическое исследование может рассматривать трансгранижье как социальный, в узком смысле, феномен, как систему социального взаимодействия. В сфере трансграничья это взаимодействие осуществляется на всех уровнях, известных социологии – от межличностного до группового на макросоциальном уровне, включая семьи и такие социальные группы, как коллективы, организации, объединения и этнические общности. Можно предположить, что трансгранижье представляет собой специфическую социальную среду взаимодействия, существования и функционирования различных общественных подсистем. Особый интерес представляет то обстоятельство, что в трансгра-

ничное социальное взаимодействие могут включаться общественные системы различных уровней организации. В случае забайкальского трансграничья мы имеем такие субъекты, как индустриальное население городов трех стран, аграрное население сельских районов и полукошачье население, пока еще сохраняющее традиционный уклад. Кроме того, мы имеем дело и с разными уровнями и разными темпами социальной трансформации, что в значительной мере определяет особенности забайкальского трансграничья. На фоне проблемы асимметрии российско-китайского трансграничья это делает социологические исследования весьма актуальными и социально востребованными. Особый интерес в этой связи представляют демографические процессы в трансграничной зоне: миграция, динамика роста населения, урбанизация и т.п.

Таким образом, для изучения трансграничья как социального феномена необходимо применение социологических методов, активно выходящих на практический уровень применения знания. На сегодняшний день можно назвать ряд работ, посвященных конкретным трансграничным взаимодействиям, среди которых наиболее актуальными являются проблемы демографической и социально-экономической ситуации в российской и китайской частях приграничья, проблемы миграции, занятости и трудовых ресурсов, и, разумеется, демографическая проблема асимметрии [Таскаева 2006; Понкратова 2006]. Авторы занимаются анализом проблемы миграции и оценкой миграционных процессов, рассматривают законодательный аспект демографической проблемы, выделяют периоды миграционного взаимодействия, оценивают общие перспективы, и, что чрезвычайно важно для преодоления стереотипов, обоснованно высказываются в пользу китайской миграции в российскую часть трансграничья, указывая на это как на фактор, способствующий улучшению общей ситуации в региональной экономике, ее развитию.

В исследованиях трансграничной социальной динамики используются специальные работы, посвященные конкретно проблеме миграции в регионе, в частности, материалы семинара Исследовательского центра «Внутренняя Азия» (Иркутск, 17-20 августа 2006 г.) «Этнические мигранты и диаспоры в культурно-историческом пространстве Востока России» [Мигранты и диаспоры... 2007]. Данная коллективная монография представляет собой сборник, в котором имеются как теоретические разработки [Рыжова 2007], так и исследования конкретных проблем, в частности, проблемы адаптации мигрантов, их взаимодействия с принимающим обществом и органами государственной власти и др.

Следует упомянуть и другие попытки общетеоретической и методологической разработки демографической и социологической проблемы трансграничья. Л.А. Понкратова рассматривает трансграничную миграцию как «международную миграцию населения», считая, что эти

понятия тождественны [Понкротова 2010]. Автор работает также с понятием «трансграничный народный рынок» и, опираясь на работу Н.П. Рыжовой [Рыжова 2004], говорит о нем как о стихийно сложившейся системе. М.Т. Романов и О.С. Корниенко дают понятие «трансграничное сотрудничество», которое трактуют как «осуществление различных видов связей и отношений двух и более стран через государственные границы в пределах взаимосвязанной совокупности приграничных территорий по обе стороны от нее» [Романов, Корниенко 2010, с. 362].

Обобщая работы в области демографии можно сказать, что в данном отношении трансграничье представляет собой особый регион, что обусловлено его специфическими особенностями. Это открывает перспективу для различного рода прикладных исследований в области регулирования социальных и миграционных процессов в трансграничье [Пионтовский, Мысник 2010]. Однако при всей значимости демографического аспекта, следует отметить, что собственно социологических исследований, выходящих на обнаружение фундаментальных закономерностей существования и развития означенного явления, в настоящий момент почти нет. Поэтому сказать, что социологический инструментарий реализован в данной области в полной мере, нельзя. Скорее всего, для оценки ситуации на социологическом «фронте» изучения трансграничья применимо понятие «антитеоретический консенсус», употребленное по отношению к нынешнему состоянию всей российской социологии [Розов 2008].

Экономика

Экономическое изучение трансграничья может включать в себя в качестве объекта собственно хозяйственные субъекты, их взаимодействие, а также экономическую среду, включая рыночную конъюнктуру, природно-климатические и географические, политические и социальные условия хозяйственной деятельности субъектов в зоне трансграничья. Исследование может проводиться как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровне. Оно может затрагивать проблемы конкретных экономических наук – отраслевых (экономика труда, строительства, транспорта, промышленности, банковского дела), функциональных (менеджмент, статистика и финансы) и смежных (экономическая география, экономическая история, экономическая демография и др.). Необходимость применения методов экономического исследования в данном случае представляется бесспорной, в результате чего к настоящему времени в наличии имеются десятки работ.

Разумеется, и здесь мы имеем дело с необходимостью применения системного подхода, что и осуществляют в своих работах авторы упомянутых нами монографий «Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран» и «Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-

тихоокеанского региона» [Задорожный 2010]. Экономическое исследование не может игнорировать географическую и природно-климатическую среду, международные отношения как факторы хозяйственного развития. По большому счету, само трансграничье есть существенный фактор экономической динамики в ту или иную сторону.

Значительное место занимают сравнительные экономические исследования, прямо выходящие на проблему асимметрии [Чжао Синь 2010], а развернувшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис создал отдельное направление исследования трансграничья. В результате мы имеем работы, посвященные конкретно мировому кризису, его влиянию на экономику стран – участников трансграничья [Абалаков 2010; Сторожева 2010].

Автор первой работы раскрывает проблему сырьевой направленности российской экономики, ее трансформации в условиях кризиса. Он справедливо замечает, что кризис предоставляет некоторые возможности для России в плане изменения структуры ее экономики (прежде всего в структуре внешней торговли, переориентации с экспорта ресурсов на экспорт готовой продукции), но, по его мнению, «мешает консерватизм мышления, коррупция, бюрократизм, нежелание и незаинтересованность чиновников и предпринимателей менять сложившуюся систему» [Абалаков 2010, с. 100]. Во второй работе дается анализ экономической динамики и экономической политики КНР в условиях нынешнего экономического кризиса, высказываются справедливые оценки и суждения, среди которых имеются и нетривиальные (например, о том, что кризис – «в головах» [Сторожева 2010, с. 224]). Сопоставление двух экономик приводит автора к выводу, что России есть чему поучиться у Китая, выражается негативное отношение к «раздаточной» экономике России.

Как и в демографических исследованиях, не обходится стороной вопрос об использовании гастарбайтеров [Долгушева, Лазарева 2010]. Авторы дают реалистичную оценку сотрудничества в области использования китайской рабочей силы в амурском трансграничье, доказывают, что ее применение имеет большие плюсы, в том числе для развития собственной экономики, а также называют истинные причины того, почему китайская рабочая сила более предпочтительна. Это «трудолюбие китайцев, непритязательность к условиям проживания, способность работать больше, согласие на низкую заработную плату» [Там же, с. 575].

В целом массив литературы по экономическим исследованиям, так или иначе относящимся к проблеме трансграничья, огромен [Клоков 2010; Ху Жэнься 2006; Сунь Ваньху 2006; Цзян Чженьцзюнь 2006; Сунь Юнсян 2006; А Янь 2006; Ли Цзиньбо 2006; Борисова 2006; Атанов 2006; Жанчивын Амгалан 2006; Ван Нань 2005; Цзинь Чжао 2005, 2006; Жамсуев 2006]. Однако надо сказать, что большинство работ, многие из которых написаны чиновниками, дают лишь общие сведения о темпах

экономического развития, о пользе сотрудничества и государственной поддержки. Значительная их часть не ставят своей целью фундаментальное исследование реальности, обозначенной в понятии «трансграничье», а являются практико-ориентированными работами в рамках научно-практических конференций. Они оперируют фактами экономического, политического, социального и культурного развития в регионе и призваны скорее продемонстрировать определенные успехи или проблемы, нежели раскрывать внутренние закономерности. Это работы, посвященные, главным образом, специальным экономическим вопросам. Поэтому, несмотря на количество литературы, и здесь имеется недостаточный уровень теоретизирования, подавляющее большинство исследований ограничиваются сбором эмпирического материала, краткой констатацией фактов с некоторыми попытками прогнозирования.

Экология, психология, образование

Трансграничье как сфера экологического взаимодействия рассматривается в комплексных географических исследованиях [Тулохонов 2010]. Здесь могут быть применены различные подходы в области анализа экологической обстановки [Стрижова 2006]; разработка направления может вестись как на теоретическом уровне (философия и концептуальные основы антропосоциоэкологии) [Кобылянский 2004], так на практическом (изучение мирового опыта по созданию транснациональных вне- и надгосударственных институтов по решению проблем экологического взаимодействия) [Ли Чючен 2005]. Активно ведется разработка проблем экологического образования и философии экологического образования [Игумнова, Корсун 2005; Кобылянский 2005].

В нашем распоряжении имеются работы, проведенные на стыке экономической теории, экологии и социологии. Так, один из авторов поднимает вопрос о качестве экономического роста в трансграничной зоне, настаивая, что сам по себе рост в современных условиях не может быть целью экономической политики [Глазырина 2006]. Проблема рассматривается в экологическом аспекте, говорится об ограниченности экономического развития природными условиями, используются понятия «экосистемные услуги» и «природный капитал». Делаются выводы о том, что в общую процедуру оценки эколого-экономической эффективности совместных экономических проектов и инициатив необходимо включать оценку качества экономического роста [Там же, с. 51].

Имеется также исследование, проведенное в области психологии и социэкологии с выходом на проблему миграции и трансграничья [Сараева 2005].

Актуальность этого направления бесспорна, что и демонстрирует обилие литературы. Некоторые положения, оставляющие открытыми серьезные проблемы, будут отмечены во второй части работы.

Юриспруденция и политология

Трансграничье как правовая реальность требует к себе внимания блока политических и юридических наук. Разумеется, пока существует феномен национального государства, политические функции его приграничных регионов будут ограничиваться исполнением (на региональном уровне) внешнеполитического курса, избранного центром. Однако, как нам представляется, роль региона в осуществлении международной политики повышается по мере продвижения страны по пути политической модернизации. Здесь и появляется широкое поле для политических и правовых изысканий, расширяются возможности использования методов и подходов этих наук.

Мы выделим два аспекта данной проблемы.

Первый аспект проблемы трансграничья как предмета политико-правовых исследований имеет непосредственную связь с юриспруденцией и прямой выход на практику. Это исследование форм и методов правового урегулирования приграничных вопросов различного уровня. Здесь необходимо изучение практического опыта решения этих вопросов в других мировых районах трансграничья – в частности, в странах Европы и Америки. Не менее важно в этом направлении изучение мирового опыта и разработка в Забайкалье правовой основы для создания институтов по урегулированию социальных, экономических, культурных, экологических проблем трансграничья. Утверждение, что права и полномочия транснациональных институтов трансграничья должны соответствовать основным правовым нормам трех государств или как минимум не противоречить их региональным правовым актам, не должно восприниматься как аксиома. Сложность задач трансграничного взаимодействия, а значит, теоретический интерес к ним со стороны юриспруденции, очевидны: страны имеют различные политические и государственные устройства, различные политические режимы и разный уровень политической модернизации. В рамках данного аспекта проблемы можно назвать работы, выполненные на региональном уровне [Клепикова 2006; Масалова 2006; Мещерякова 2006].

Второй аспект касается политологической проблематики – проблемы гражданского общества и правового государства, проблемы федерализма и роли субъекта федерации в проведении международной политики и осуществлении приграничных международных контактов, проблемы соотношения и взаимного соответствия международной политики центра и региональных контактов в условиях трансграничья. Как видим, здесь воедино связаны проблемы внутренней и внешней политики, следовательно, вновь необходимо будет говорить о феномене геополитики теперь уже в его конкретном проявлении в условиях трансграничья. Однако специфика данного аспекта проблемы заключается в том, что в реальности здесь имеется не два субъекта трансграничного взаимодействия, а три: регион, центр и сопредельная сторона.

Разумеется, на почве трансграничного взаимодействия не могли не столкнуться национально-государственнические идеи и либеральные, отстаивающие принципы децентрализации и регионализации трансграничных отношений.

Примером первой позиции есть основания назвать работы А.А. Тушкова, который доказывает, что трансграничная территория является проводником и средством национальных интересов [Тушков 2010а]. «Трансграничное сотрудничество является комплексной сферой, в которой отчетливо проявляется необходимость реализации национальных интересов отдельного государства» [Там же, с. 545]. Автор констатирует также факт асимметрии, причем двухуровневой – на международном внешнем уровне (между Россией и сопредельными странами Европы, Азии и АТР) и внутри России между ее западной и восточной частями [Там же, с. 529]. Он дает рекомендации к внешней политике России в целом, которые он называет «геополитическими интересами России» [Там же, с. 533].

Своего рода апофеозом такой постановки вопроса можно назвать высказывание, имеющее косвенное отношение к трансграничью через проблему регионализации и федерализма: «...в условиях ослабления федерации, кооперационных связей российского экономического комплекса как единого целого, активного выхода регионов на ближайшие к ним международные региональные рынки реально существует опасность нарастания центробежных тенденций и ориентации части региональных элит на зарубежных партнеров в большей мере, чем на центр. Ряд иностранных государств активно развивают контакты с российскими регионами, вытягивают региональные элиты на прямой, зачастую в обход федеральных властей, диалог, создают экономические, гуманитарные и в конечном счете политические позиции» [Лаптев 2008, с. 26 – 27].

Противоположными по своей политической направленности можно назвать следующие работы. А.И. Порфирьев рассматривает правовой аспект проблемы регионализации по всему периметру российской границы, в том числе в Забайкалье и на Дальнем Востоке, и говорит о вреде «ручного управления», требующего постоянного принятия нормативных актов на федеральном уровне [Порфирьев 2010, с. 556]. Е.Г. Маклашова подчеркивает необходимость контроля над государством со стороны гражданского общества и пишет о том, что государственное воздействие на приграничные регионы является не таким уж благотворным [Маклашова 2010, с. 437]. С.К. Песцов говорит о трансграничном взаимодействии как о «трансграничной кооперации», показывает, что многоуровневость – от государственных до частных – структур взаимодействия придают всей системе целостность и устойчивость [Песцов 2010].

Представляется, что политические и правовые аргументы трансграничья способны завести данную дискуссию в тупик, если оставить

без рассмотрения общетеоретические и методологические истоки осмысления процессов региональной интеграции.

Классическая лимнология и неклассические исследования региональных интеграционных процессов

Очевидно, что необходимо рассмотреть работы, восходящие к лимнологии, а в последующем приобрести новое направление в связи с процессами глобализации и региональной интеграции.

История лимнологии указывает на то, что феномен трансграничья исследовался де-факто уже в рамках советской истории международных отношений. В качестве примера можно привести работы советских историков [Колесник, Калениченко 1980]. Если предположить, что трансграничное сотрудничество является историческим этапом приграничного сотрудничества, то вполне объяснима методологическая взаимосвязь политических исследований трансграничья с лимнологией [Кузьмин 2006]. В.М. Кузьмин указывает на три пути понимания такого сотрудничества в современной литературе: 1) как форма межрегионального сотрудничества, международных контактов приграничных и трансграничных регионов; 2) как ступень в процессе региональной интеграции; 3) как форма социализации населения определенных регионов в условиях культурного многообразия и этнической терпимости [Там же, с 91]. Отметим, что каждый из путей выходит на современное понимание проблемы трансграничья, и уж точно ни один из них не минует проблемы регионализации.

В.М. Кузьмин отмечает, что изучение границ нуждается в свежих теоретических подходах и указывает на недостатки традиционных подходов политической лимнологии – историко-картографического, классификационного, функционального, географо-политологического [Колосов, Туровский 1997; Колосов 2004; Kolossov, Loughlin 1998]. Они объясняют феномен государственных границ политическими факторами, трактуя их как «зеркало военной, экономической и иной мощи соседних стран» [Кузьмин 2006, с. 93]. При этом, отмечает автор, сущность и политика государств, равно как и иерархические отношения между ними, на глобальном и макрорегиональном уровнях редко принимались во внимание. «Сами государства выступали как неизменные данности, как «естественные» регионы, действующие как единое целое» [Там же].

Поэтому очевидно, что в серьезном исследовании современного трансграничья не удастся пройти мимо проблематики региональной интеграции, среди которых В.М. Кузьмин называет следующие направления:

- теория и последующие исследования федерализма (А. Спинелли, К. Фридрих, Дж. Элезер) [Federalizm 1998];
- работы Б. Льюнга [Ljung 1992];

– понимание глобализации как результата роста транспарентности границ [Katzenstein, Keohane, Krasner 1998];

– неофункционализм (Э. Хаас и его тезис о необходимости и желательности формирования в мире новых региональных союзов) [Haas 1958].

В рамках неофункционализма автор называет таких исследователей интеграционного процесса в Европе и других регионах как Р. Хубек, Р. Шнайдер (польза трансграничных интеграций), К. Кайзер (когерентные взаимодействия внутренних и внешних факторов интеграции), К. Дойч (роль и функции элит в развитии интеграционных трансграничных процессов), Д. Истон (роль открытых систем во взаимодействии), В. Мисяк (исторические исследования и теоретические обобщения интеграционных процессов в Европе и Северной Америке), Ф.Д. Турнер (теория «кочующей границы»), Б. Яловецки и Г. Гожеляк (теория «реликтовых областей») [Кузьмин 2006, с. 94]. Многие из них восходят к антропологическому функционализму Б. Малиновского и Р. Радклифа-Брауна, на них базируется обширный функциональный анализ границ в культурологии, представленный такими авторами как Е. Чаплеевич, Г. Паномарева и другими авторами, главным образом, из Восточной Европы. Кроме того, это польские авторы П. Бурке и Б. Мишталь, опирающиеся, в том числе, на классическую работу Э. Шилза «Центр и периферия», которая имеет огромное значение в разработке проблемы трансграничного взаимодействия [Shils 1975].

Обратим внимание на то, что интерес к классическим теориям и формирование неклассических тем выше, чем быстрее происходит процесс региональной интеграции. Исследования интеграционных процессов в Западной Европе и Америке, связанных напрямую с тенденциями глобализации и регионализации, важны для исследования проблем в Восточной Европе. Что касается российского трансграничья, а тем более, забайкальского и дальневосточного, вновь приходится констатировать, что пока они являют собой скорее потенциал, нежели реальность.

Культурология

Трансграничье является сферой, при исследовании которой могут быть задействованы все без исключения подходы интегративного культурологического знания. Это философия культуры, социология культуры и социокультурные исследования, культурная антропология и культурная семантика, история культуры. Поскольку трансграничье представляет собой сферу культурного взаимодействия, то наиболее перспективными представляются исследования в области обнаружения закономерностей и прогнозирования социокультурной динамики. Трансграничье, в том числе забайкальское, представляет собой уникальную лабораторию по изучению всевозможных типов культурной динамики, выделенных на теоретическом уровне. Это процессы культу-

рогенеза, трансформации культурных форм и систем, реинтерпретации культурных форм, культурной диффузии, аккультурации. Их исследование может проводиться на основе широкого спектра методологических подходов, начиная с ранних – различных вариантов теории диффузионизма – и заканчивая современными постмодернистскими разработками идеи «лимитрофы».

Рассмотрим работы, касающиеся проблемы трансграничного взаимодействия по отношению ко всей российской социокультурной динамике.

Блестящее исследование концепта «граница» в отечественной культуре представляет собой работа О. Бредниковой «Последний рубеж» [Бредникова 2002]. Работа важна тем, что де-факто показывает, насколько важна роль культурологии в преодолении идеологем. Автор дает анализ концепта «граница» в советской тоталитарной культуре, подчеркивает, что «государственная граница в СССР играла чрезвычайно важную роль в конституировании советского общества» [Там же]. По мнению автора, она определяла «свою» территорию, отгораживала «чужих», обозначала конфронтацию политических систем на глобальном уровне и выполняла «универсальную функцию»: обладала всей полнотой смыслов – от политических до метафизических. «Она стала некой мерой, ориентирующей всю организацию жизни» [Там же].

Поскольку тоталитарное общество строится на силовом сдерживании любых общественных изменений, прежде всего в нем поставлен заслон внешнему воздействию, которое может иметь для данной системы исключительно негативные последствия. «Вся информация о государственной границе была строго засекречена. За границу удавалось попасть лишь малому числу счастливиц, относящихся к советской элите. Даже местное население приграничных территорий плохо представляло, что происходит за запретной зоной» [Там же]. Автор полагает, что дереализованный имидж советской границы – это симулякр Бодрийара, не просто симулирующий реальность, но заменяющий ее.

Отметим, что в современных российских текстах, посвященных проблемам границы и геополитики, подобное восприятие реальности до конца еще не преодолено, а идеологемы «национальная безопасность», «духовная безопасность», «безопасность рубежей» продолжают играть фундирующую роль в разработке научных подходов.

Приведем работы другого автора, проводящего свои исследования на стыке культурологии и геополитики [Неклесса 2003]. А. Неклесса предлагает философско-культурологический взгляд на современную трансформацию глобальной системы взаимодействия, трансграничность у него выступает как определяющая черта нового, только формирующегося мира. «Мир, в который мы вошли, – Трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувшую в Лету Атлантиду Модернити с новизной расширяющегося социального космоса» [Там же]. Главное,

что отличает новый мир от мира модерна, – постоянное изменение, текучесть правил, принципов и различных установок. Автор описывает структуры нового пространства, в которой уже почти нет места национальным связям. Эта структура транснациональна по сути.

Чем же структурирован новый мир? Ключевую роль в структуре нового глобального взаимодействия играют геоэкономические связи. «Наиболее разработанный на сегодня вариант картографирования зыбкого космоса – геоэкономический атлас мира. Это попытка выстроить картографию современности как единого пространства актуальных социальных взаимодействий, как иерархию различных видов практической деятельности» [Там же].

Обратим внимание на идейную взаимосвязь этих положений с мир-системным подходом И. Валлерстайна, в основе которого лежит тезис об исторической смене глобальных «мир-империй» «мир-экономиками» [Валлерстайн 2001].

Антропологический подход успешно реализовал Д.Г. Емченко [Емченко 2009]. В его работе рассматривается маргинальный человек трансграничного региона как ключевой субъект в системе взаимодействия культур. Автор анализирует механизм культурной трансформации национальных границ, при которой маргинальный человек выступает как фигура, действующая одновременно в «двух мирах». Автор констатирует, что «роль национальных государств, столь сильная в XX в., постепенно отходит на второй план» [Там же, с. 47]. Процессы глобализации, интеграции и регионализации стали причиной ослабления культурных национальных и государственных границ, следствием чего является «усиление социокультурных связей «поверх» национальных границ» [Там же].

Автор определяет трансграничье как «потенциальный регион, разделенный суверенитетом соседствующих государств, обладающий комплексом национальных, региональных, зональных элементов с собственными характеристиками, отражающий их историко-культурное своеобразие, взаимодействующий с сопредельными приграничными регионами для сохранения, управления и развития своего «жизненного пространства» [Там же]. Важной чертой трансграничья является его «потенциальность», т.е. готовность обнаружиться при определенных условиях. Несмотря на то, что трансграничный регион есть подсистема более масштабной системы – страны, он обладает «эмерджентностью», т.е. такими свойствами целого, которые не содержатся в составляющих его элементах.

Надо сказать, что в какой-то мере потенциал культурологии в отношении изучения забайкальского трансграничья уже реализован [Гомбоева 2005; Зенкова 2005; Субботина 2005; Чжао Юньшен 2005]. Наиболее перспективными представляются социокультурные исследования, базирующиеся на методологии социологии культуры, а также ан-

тропологические исследования, активно использующие постмодернистские методы.

Обратимся к первому. М.И. Гомбоева рассматривает культурологический аспект проблемы, но выходит за его пределы в область стратегического планирования и прогнозирования политического и экономического развития трансграничных регионов [Гомбоева 2006]. Особенно важно в плане преодоления стереотипов подчеркнуть понимание необходимости признания Другого в развитии трансграничного сотрудничества на онтологическом уровне. Трансграничье осмысливается автором как «пространство, где действует комплекс взаимно ориентированных участников, согласующих свои действия с действиями Другого» [Там же, с. 41].

Автор выделяет типы трансграничного сотрудничества: 1) как мир межгосударственного, «большого» взаимодействия; 2) как пространство конкретного взаимодействия, когда акторами являются представители стран, народов, государств; 3) как сетевое взаимодействие. Именно третий уровень характеризует международные отношения с на современном цивилизованном уровне, когда появляются специализированные учреждения и институты – структуры, ориентированные не только на «собственные культурные детерминации», но и на «удовлетворение интересов Другого» – соседа, что и способствует его положительному восприятию [Там же, с. 42]. Это имеет огромную значимость, поскольку позволяет нейтрализовать проблемы межкультурного различия: последнее становится «основанием для конструктивного диалога в пространстве реального трансграничья» [Там же].

Иначе говоря, трансграничное взаимодействие третьего уровня создает проблему идентичности, и само же предлагает средства ее решения. В трансграничном регионе, по словам автора, формируется особая культура – культура трансграничного посредничества, в чем и заключается специфика забайкальского трансграничья. Ее положительная ценность состоит в постоянном согласовании своих действий и интересов с действиями и интересами Другого [Там же].

Тезис об относительной текучести правил и принципов современного мирового взаимодействия сопрягается с идеей многозначности культурных смыслов [Сергеев 2005б]. Используя методологию постмодернизма, Д.В. Сергеев анализирует понятия «трансграничье», «пограничье», «лимитрофа». Он полагает, что постмодернисты «были первыми философами, обратившим внимание на процессы, происходящие на периферии структурного целого» [Там же, с. 390]. Они «интуитивно нащупали ту область, где происходят одни из самых важных и, пожалуй, самых интересных культурных явлений. Объявив войну структуре, они провозгласили децентрацию и тотальную детерриторизацию» [Там же].

Так, полагает автор, «в культуре, именно на периферии, на краю, где происходит встреча, соприкосновение культур, происходит

обновление, рождаются новые культурные смыслы, зачинаются новые модели и схемы развития» [Там же]. В понимании автора «пространство, где происходит непосредственное соприкосновение культур, может быть обозначено термином «пограничье», а там где идет речь о взаимодействии может быть использовано понятие «трансграничье». «Термин «пограничье» задает пределы культуры, маркирует другие, соседние с ней культуры. Это статика культурного пространства, где нет никаких процессов взаимодействия. Термин «трансграничье» преодолевает намеченные границы. Его отличие от пограничья подчеркивается префиксом «транс-», указывающий на преодоление заданных пределов, что, в свою очередь, подразумевает культурное взаимодействие, процесс» [Там же].

С этим связано и понятие «лимитрофа», введенное в научный дискурс достаточно недавно, в основном геополитиками. «Согласно теории локальных цивилизаций существует определенное ограниченное количество типов культурного бытия, которые оформляются в конкретные цивилизации и размещены на конкретных территориях. Все пространство, находящееся между ними, может быть охарактеризовано как межцивилизационное пространство или лимитрофа» [Там же]. Однако в современном, открытом к информационному воздействию мире лимитрофа не локализована ни в каком конкретном пространстве и не связана с физической границей между государствами. Поэтому на вопрос, где находится лимитрофа, автор с уверенностью отвечает – везде. «Вся мировая культура есть лимитрофа, трансграничье» [Там же, с. 391].

Автор говорит о научных перспективах постмодернистской методологии, которая позволяет включить в исследование то, что раньше считалось девиационным, маргинальным, не вызывающим интереса и не обладающим правом на обретение статуса научного объекта [Сергеев 2005а]. Он утверждает, что снятие агрессивности культур в отношении друг друга предполагает отказ от ригидного характера границ, а в предельном варианте тотальный отказ от них» [Там же]. Границы же нужны лишь как «способ реализации человеческой потребности в культурной идентификации», поскольку «существуют лишь на бумаге и в нашем сознании» [Там же].

Обзор основных подходов к культурологическому изучению феномена позволяет утверждать, что важнейший вопрос культурологического исследования – это вопрос, является ли трансграничье отдельным социокультурным феноменом, особенно в условиях современных скоростей обработки и обмена информации, когда «лимитрофа» – сфера взаимопроникновения культурных образцов – пронизывает все культурное пространство. Сказанное не означает, что культурологические работы лишены изъянов, о них речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что в них слабо отражены конкретные проблемы, в частности, проблема асимметрии российско-китайского трансграничья.

Обобщая сказанное по отношению ко всем методологическим подходам, отметим, что в большинстве своем мы имеем дело скорее с возможным, нежели реализованным. Даже на первый взгляд очевидно, что значительные подвижки в изучении феномена трансграничья имеются главным образом на общетеоретическом уровне – в сфере разработки теоретических и методологических основ дисциплинарных и комплексных исследований. Авторы ограничиваются определением понятия трансграничья и трансграничного взаимодействия, анализом подходов, типологиями, констатацией фактов (каждый – в своей области) и высказыванием оценочных суждений, иногда выдаваемых за прогнозы. Теоретизирование, необходимое для формулировки проверяемых положений – законов – почти отсутствует. Однако и к выдвинутым суждениям и оценкам, а также к практическим рекомендациям имеются серьезные замечания, часть которых мы представляем ниже.

II

В данной части статьи мы выделим и проанализируем те подходы и способы их применения, которые, на наш взгляд, не способствуют адекватному пониманию проблемы трансграничного взаимодействия, и прежде всего проблемы асимметрии российско-китайского трансграничья.

Критика экономических и комплексно-географических исследований трансграничья: абсолютизация субъекта

Оттолкнемся от первой из упомянутых нами работ [Приграничные и трансграничные территории... 2010]. Как и заявлено в аннотации, в ней преобладает скорее практико-ориентированная цель, нежели теоретическая познавательная. Это, по всей видимости, и стало причиной внесения весомого субъективного компонента в осмысление данной проблемы. Проблема российско-китайского трансграничья осмысливается не так, как она есть, а с точки зрения стремления к желаемому и под влиянием неудовлетворенности имеющимся. Это подтверждается постоянной апелляцией к субъективному фактору – различного рода планам, программам, идеям «устойчивого», «сбалансированного» развития, и эта сторона проблемы абсолютизируется, причем на теоретико-методологическом уровне. Складывается впечатление, что современная ситуация в трансграничье, разумеется, далекая от совершенной, есть результат исключительно субъективных факторов, чаще всего – невнимания центрального правительства к трансграничному региону. При этом под объективным фактором мы понимаем процессы в области динамики социально-экономических и социально-политических систем сопредельных стран, например, темпы и направленность трансформации со-

циальных отношений, изменения в расстановке политических сил, экономического влияния и проч. Под субъективным понимаются намерения и результаты осознанной и целенаправленной деятельности конкретных личностей и групп, находящие свое отражение в политических курсах и программах.

Увлечение планами и проектами прослеживается во многих текстах, что, если не ставит под сомнение, то серьезно сужает познавательные перспективы исследования именно как фундаментального. Например: «В современных условиях развития интеграционных взаимодействий... приграничные территории могут рассматриваться как единые трансграничные территории, для которых необходима разработка согласованных между странами программ развития» [Бакланов, Тулоханов, Раднаев 2010, с. 5]. С этим сложно спорить, но в конце концов создается впечатление, что только так проблема и рассматривается. «Большое разнообразие трансграничных территорий требует дифференцированного перечня требований и информации для формирования программ устойчивого развития приграничных территорий» [Там же, с. 5]. «Итогом интегрирования целей ландшафтного и социально-экономического планирования развития территорий может стать разработка наиболее адекватной стратегии оптимизации территориальной организации на уровне районных муниципальных образований» [Там же, с. 6].

Это само по себе не покажется недостатком разработки теоретико-методологических основ, пока мы не увидим конкретных результатов: методологических и практических.

В методологическом плане – нарушение логики построения и выполнения исследовательской задачи. Это стремление выйти на практический уровень решения проблемы (программы развития) с эмпирического (сбор фактов и описание ситуации), минуя теоретический, состоящий в обнаружении существенных и повторяющихся связей между явлениями и их формулировке в законы.

В практическом же отношении – это почти повсеместное перекалывание ответственности на внешний субъективный фактор – правительство (местное и центральное), противоположную сторону в системе трансграничья, и даже третью силу (как правило, Запад и НАТО). Не слишком заметное как недостаток и даже не бросающееся в глаза на первый взгляд, это обстоятельство направляет познание в сторону абсолютизации внешних причин и не позволяет дать максимально объективную оценку происходящего.

Требует своего критического осмысления и само понятие «устойчивое развитие» (а также «органичное развитие», «сбалансированное развитие»), которое часто употребляется клишированно и под которым формально понимается государственное регулирование социальных, экономических и культурных процессов, а реально – подмена

этих объективных процессов активностью субъекта. Мы полагаем, что такое понимание полностью исключает социальное развитие как объективный процесс, ведущий к трансформации социальных систем, включая и их прогрессивные изменения. А когда это понимание феномена развития покидает познавательный уровень действительности и переходит на собственно социальный, т.е., словами марксистов, «овладевает массами», оно превращается в реальную социальную силу, или фактор, не просто сдерживающий развитие, а попросту его отменяющий. Результат – крайне низкая социальная, экономическая, политическая творческая активность населения – реального субъекта общественных отношений, надежда на «хорошее» правительство, «правильную» программу, которая решит все проблемы и изменит ситуацию в лучшую сторону.

Отметим, что данный подход характерен для многих исследований. Подводя итог другой коллективной работе, авторы дают окончательное определение трансграничного региона, из которого вытекает, что трансграничное сотрудничество есть «процесс интеграции приграничных территорий различных стран, позволяющий модернизировать периферийные территории соседствующих государств, превращая их, тем самым, в единый трансграничный регион» [Фролова 2010а, с. 583]. Иначе говоря, трансграничье есть результат субъективного взаимодействия приграничных регионов, да еще и ведущий к модернизации. Налицо онтологизация субъективного компонента. Объективные и негативные по своим последствиям взаимодействия в это определение не входят. Как быть, если объективным результатом взаимодействия является ускорение модернизации на одной стороне, и явная деградация на другой?

Полагаем, именно в силу абсолютизации субъективного фактора остается без определения причины то, что констатируют авторы: «приграничные территории Азиатской России в социально-экономическом плане как отставали по темпам развития, так и продолжают отставать даже от прилегающих регионов. В этом плане мы наблюдаем резкую асимметрию развития наших приграничных районов по сравнению с такими же территориями сопредельных стран» [Бакланов, Тулохонов, Раднаев 2010, с. 7]. Это отставание авторы пытаются решить привлечением субъективного фактора, мы же полагаем, что упомянутое ими социально-экономическое – это как раз то, что является основой объективного развития общества.

Причина расхождения и в другом. Экономическое и социально-экономическое трактуется [Задорожный 2010] как экономическое в технолого-экономическом аспекте (предприятия, структура экономики) и вытекающее из него социальное (занятость, уровень доходов, следовательно, уровень удовлетворения социальных потребностей: школы, больницы, детские сады). Это характерно для «потребительского» от-

ношения к экономике, когда она рассматривается исключительно как способ приобретения благ. При рассмотрении же экономики как одного из образующих компонентов системы окажется необходимым в первую очередь учет социально-классовой структуры общества, ее динамики в сторону современных форм. Социально-экономическое здесь понимается как социальные отношения, сложившиеся на основе определенного экономического способа производства.

Именно поэтому авторы в числе причин сложившейся ситуации на региональном уровне видят то, что либо является следствием, либо вообще не имеет отношения к проблеме: «дефицит трудовых ресурсов», «сокращение населения», «нерациональное использование природных ресурсов», «отсутствие комплексного подхода к освоению минерального сырья и других природных ресурсов», вывоз из Российской части трансграничья сырья, становящийся «частью государственной политики экономической политики Китая» [Бакланов, Тулохонов, Раднаев 2010, с. 8]. Все это, пишут авторы, «приводит к *заведомому* отставанию приграничных территорий приграничных регионов России» (Курсив наш – Д.Т.) [Там же, с.8]. Выделенное курсивом должно подчеркнуть именно внешний, субъективный характер причины сложившегося положения дел, а, возможно, и намеренный. Любопытно, что по отношению к данному тезису в примечании редакции говорится, что дефицит кадров относительный, а главный вопрос заключается в качестве трудовых ресурсов [Там же, с. 8].

Поэтому, несмотря на заявление авторов о том, что разработка «научных основ программы устойчивого развития» требует учета «социально-экономических факторов» [Там же, с. 8], именно этот фактор сложно считать в полной мере учтенным. Так П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей выделяют семь факторов, обуславливающих специфический потенциал трансграничья [Бакланов, Ганзей 2010б, с. 14], среди которых рынок двух стран, значительно расширяющий возможности развития и тех, и других, и являющийся, хотим мы этого или нет, основой взаимодействия современного мира, находится на шестом месте. И здесь же опять отмечается необходимость разработки совместных международных программ [Там же, с. 15].

Поясним нашу позицию. Мы не оспариваем важность разработки программ развития, в том числе трансграничного взаимодействия, но само понятие «программа развития» есть диалектическая пара. Понятие «развитие» отвечает за объективно происходящие в обществе процессы, слово «программа» отражает стремление субъекта повлиять на данный процесс. При этом мы глубоко убеждены, что второе не может подменить собой первое. Вопрос состоит не в том, нужно ли влиять на происходящее в сторону, кажущуюся нам лучшей, вопрос в том, есть ли в наличии это происходящее. Вопрос в том, к чему, к какому объективному движению общества эту программу приложить, чтобы в результате

слияния объективного и субъективного факторов получить желаемый результат. Вопрос, наконец, в том, есть ли активное и трудоспособное население (разумеется, речь идет о российской стороне), которое может осуществить данные программы, есть ли то его движение, которое мы хотим подкорректировать своими программами?

Мы обращаем внимание на традиционное понимание данной проблемы в российском общественном сознании. Как правило, «программы устойчивого развития» воспринимаются как то, что должно сверху, без особых потерь для нашего привычного образа жизни решить наши проблемы. Именно здесь личная инициатива и личное изменение подменяются инициативой государства или краевого правительства. Если сказанное покажется спорным, обратим внимание на то, что является целью подобных программ. Их целью является стабилизация социального положения, следовательно, смягчение социальных противоречий, которые, как бы мы к этому не относились, являются одним из ключевых факторов становления современного общества.

Следует отметить еще одно обстоятельство. При столь частом упоминании российскими авторами различного рода программ и проектов, начиная с общеизвестных «нацпроектов» и заканчивая описанными и разрабатываемыми в данной работе программами, мы решительно ни разу не видели подведения их итогов. Уже неоднократно было отмечено в качестве ментальной или культурной особенности, как среди российских авторов, так и среди зарубежных, что эти планы почти никогда не доводятся до конца, а сменяются новыми, которые отменяют или отрицают предыдущие. Еще в начале XIX века П.Я. Чаадаев писал, что у нас «совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние происходят не из первых, а появляются у нас неизвестно откуда». [Чаадаев 1991, с. 326]. Мы далеки от того, чтобы считать данные особенности в принципе неискоренимыми, «исконными», мы считаем их порожденными естественным и объективным ходом вещей. Важно, что в этой фразе П.Я. Чаадаев отметил фактически, что отсутствие объективного развития не могут компенсировать никакие программы и проекты. Полагаем, данные программы отменяются, их результаты не анализируются, им не подводятся никакие итоги, ни положительные, ни отрицательные, потому что они попросту проваливаются. Но проваливаются не потому, что плохо разработаны, а потому, что нет объективного социального развития.

Обратим внимание на трактовку авторами экономического фактора трансграничной асимметрии [Задорожный 2010]. Автор дает анализ экономического развития Забайкальского края, что, безусловно, является весьма полезным и нужным для оценки ситуации в регионе. Однако, как нам представляется, избранная концептуальная основа не позволяет подойти к решению проблемы асимметрии. Основные данные могут быть полезны, да и вообще имеют значение исключительно в

рамках государственно-дистрибутивной раздаточной парадигмы развития экономики и общества. Отсутствуют вообще или не уделяется должного внимания таким показателям современной экономики, как предпринимательская активность и ее динамика, производительность труда, конкурентоспособность товаров и услуг, произведенных в российской части трансграничья, процент высокотехнологичного производства, и самое главное, отсутствует их сравнение с соответствующими показателями на сопредельной стороне. Даже если смежные показатели и факторы приводятся и анализируются, результат выдается односторонний: вновь выявляется внешняя причина. Так, единственной причиной неудач предшествующих попыток развития на основе рыночных механизмов автор называет рост цен на продукцию естественных монополистов: энергетики, транспорта, нефтедобывающей и газовой промышленности [Задорожный 2010, с. 542]. Ни экономическая активность, ни качество труда, ни уровень квалификации и ответственность самих производителей анализу не подвергаются.

С сожалением мы должны констатировать, что данные аспекты мало или совсем не интересуют российских авторов, пишущих по проблемам не только трансграничного развития, но и развития регионов. Вполне объяснимо в связи с этим, что критически оцениваются концепция «сжатия экономического пространства» и теория «ресурсного проклятья» [Задорожный 2010, с. 541 – 542], а, между тем, именно эти подходы являются обоснованными и сформулированными как законы на фундаментальном уровне [Гуриев, Егоров, Сонин 2007; Гуриев, Сонин 2008; Полтерович, Попов, Тонис 2007]. На наш взгляд, именно они наиболее адекватно объясняют то, что происходит сегодня в современной российской экономике [Трубицын 2010].

Именно в силу данного обстоятельства остается без ответа вопрос о причинах неудовлетворительного положения дел в экономике Забайкальского края: «Тенденция роста удельного веса добывающих отраслей промышленности сохранится до середины текущего столетия. Объясняется это тем, что развитие экономики края связывается исключительно с развитием добывающих отраслей промышленности» [Задорожный 2010, с. 544]. Возникает вопрос: кем связывается и кто, если не само население качеством своего труда и уровнем его организации определяет, способно оно производить продукцию на уровне мировых требований к качеству, или способно только добывать сырье?

Полагаем, что потенциал экономической географии в решении этих проблем ограничен, что связано как с постановкой проблемы в рамках концепции устойчивого развития, так и с отсутствием выхода на фундаментальные закономерности социально-исторических процессов. Концепция устойчивого развития рождалась на Западе и стала результатом трансформации западного общества. Она напрямую связана с тем, что мы называем сегодня «постиндустриальным обществом» и «постка-

питалистическими тенденциями». Насколько применим данный конструкт в рамках современной российской реальности, можно судить исходя из тех смыслов, которые закладываются в понятие устойчивого развития у нас. Одно дело – переходить к данной стратегии, имея развитую, способную к конкуренции на мировом уровне экономику и ее субъекта – постиндустриальное общество, другое дело – базируясь на распадающейся государственно-дистрибутивной экономике с его субъектом – посттоталитарным обществом.

Чаще всего авторы экономических работ используют привычные клише. Так, называя позитивные и негативные аспекты российско-китайского сотрудничества в ДВР (Дальневосточный регион), среди позитивных упоминают либо вызывающие сомнение («высокий научно-образовательный потенциал населения приграничных субъектов Тихоокеанской России») [Романов, Корниенко 2010, с. 370], либо не зависящие от нас («уникальность природы» и «выгодное экономико-географическое и транспортно-географическое положение региона») [Там же, с. 369]. Среди негативных – либо особенности другой стороны («китайский экспорт продукции легкой, текстильной, промышленности и сельского хозяйства», «низкое качество части завозимых Китаем товаров», «конкуренция с другими регионами России» [Там же, с. 370], либо внешние по отношению к экономике факторы («слабая законодательная база», «высокий уровень коррупции и преступности») [Там же, с. 370 – 371]. Среди прочих упоминается и низкая конкурентоспособность, но причина не называется, а связывается она только с инфраструктурой. Почему в таком случае китайские товары низкого качества оттесняют отечественные даже на внутреннем российском рынке – остается неясным. Между тем дается положительная оценка российско-китайскому сотрудничеству в регионе, говорится лишь о необходимости ужесточения контроля и регулирования [Там же, с. 377]. Парадоксально, но ни в одном из исследований мы не обнаружили оценки качества труда россиян. Даже когда работы посвящены изучению динамики рабочей силы [Долгушева, Лазарева 2010], авторы, высоко оценивая трудоспособность и трудолюбие китайцев, сравнивают их исключительно с другими гастарбайтерами. Как правило, при оценке национальной рабочей силы авторы избегают объективных данных. Пока мы говорим здесь не о нравственной проблеме (она, конечно, есть), а познавательной. Без адекватного сравнения у нас так и не появится полного представления о положении дел в трансграничье, равно как и об истинных причинах асимметрии.

Обратим внимание еще на одну работу, уже упомянутую нами [Глазырина 2006]. Обоснование необходимости введения экологической экспертизы экономических проектов И.П. Глазырина начинает с констатации факта ограниченности природных ресурсов. «К концу второго тысячелетия ограниченность природных активов стала существенным ли-

митирующим фактором экономического развития» [Глазырина 2006, с. 47]. С этим сложно спорить, однако анализ проблемы с выходом на уровень теоретической истории и социальной философии, т.е. на уровень обнаружения фундаментальных закономерностей общественного развития, позволяет увидеть здесь более сложные взаимодействия факторов.

Нельзя упускать из виду, что ограниченность природных ресурсов была всегда, а не только в конце второго тысячелетия, не только лимитирующим, но прежде всего интенсифицирующим фактором развития. Если учесть, что ключевые сдвиги в развитии общества, приведшие к радикальному изменению положения человека на планете (неолитическая революция, модернизация как трансформация аграрного общества в индустриальное, информационная революция), происходили как ответ социальных систем на факт ограниченности ресурсов (разумеется, помимо действия многих других факторов), то окажется, что перед нами – механизм двойного действия. Он накладывает свое ограничение на экономический рост и одновременно является стимулом экономической интенсификации с последующей социальной трансформацией в сторону современных общественных форм. И такая постановка проблемы, полагаем, намного более актуальна, поскольку дает выход на проблему асимметрии российско-китайского трансграничья, которую мы понимаем не как количественную асимметрию, а как *качественную*, в том смысле, что *Россия и Китай как акторы трансграничного сотрудничества все отчетливее проявляют себя как субъекты исторически различного типа взаимодействия.*

Автор отмечает, что экономический рост – лишь средство, а целью является «достижение благосостояния в широком смысле слова, способного обеспечить высокое качество жизни, свободное развитие личности и реализацию творческого потенциала каждого человека» [Глазырина 2006, с. 47]. Но и эту, на первый взгляд правильную мысль мы считаем не доведенной до конца, хотя с ней согласится подавляющее большинство экспертов. Неочевидная истина состоит в том, что экономическое развитие – это не только условие, но и средство, сам механизм формирования такого свободного, творческого человека. В том смысле, что свободный и творческий человек появляется не как результат высокого экономического развития, а как его творец, как создатель. Отсюда нетривиальный вывод: совместные экономические проекты и инициативы должны включать в себя обязательно активно производящее, а не потребительское участие российской стороны. Создание «тепличных условий» экономической деятельности, а именно на это указывает лозунг «качество жизни», сводит к нулю механизм социальной и экономической интенсификации для российской стороны, следовательно, еще больше увеличивает разрыв, качественную асимметрию. Ни для кого не секрет, что малочисленное население российской части трансграничья с

его огромными ресурсами и высокими ценами на них на мировом рынке находится в несравнимо лучших совокупных стартовых условиях, чем население Северного Китая. Но на темпах экономического развития и модернизации как социальной трансформации это отражается обратным образом.

Полагаем, есть над чем задуматься в этой непростой системе взаимозависимостей, но нет никакой необходимости «изобретать велосипед» – данные закономерности давно выявлены и представлены на разных методологических уровнях. На уровне собственно экономическом это упомянутая нами теория «ресурсного проклятья» и те авторы, которые занимаются исследованием данных закономерностей в современной российской экономике [Гуриев, Егоров, Сонин 2007; Гуриев, Сонин 2008; Полтерович, Попов, Тонис 2007]; на уровне теоретической истории и макросоциологии это различные идеи зависимости смены динамических стратегий и социальных структур от природного ареала и ресурсов [Дюркгейм 1990; Goldstone 1991; Goudsblom, Jones, Mennell 1996; Carneiro 1970, 1988, 2000; Collins 1975; Snooks 1998; Turner 1996]; имеются и труды российских и зарубежных авторов, исследующих проявление данных закономерностей в России на уровне клиодинамики, философии истории и социальной философии, среди которых особо хотелось бы подчеркнуть:

- понимание модернизации как перехода к социальной системе с более высокими адаптивными способностями, тезис об экстенсивном характере доиндустриальных обществ и значимости социально-экологических кризисов, понятия «социально-экологический кризис», «социоестественная история», «адаптационный» и «эволюционный типы развития цивилизаций» [Кульпин 1992; Кульпин, Пантин 1993; Бондаренко 1997];

- анализ и сопоставление в динамике переменных «население» и «территория», использование методов клиодинамики для выявления закономерностей российской истории и современности, выведение зависимости темпов и характера развития российского общества из категории «пространство», выявление циклов российской истории в связи с кризисами экстенсивного развития, тезис о несовместимости избытка ресурсов и территорий и модернизации [Каменский 1999а, 1999б; Миронов 2000а, 2000б; Пивоваров, Фурсов 2001; Турчин 2007].

- идея «экстенсивной доминанты» развития российского социума, типологизация российской экономики как «раздаточной», основанной на «патримониальной» собственности, тезис о необходимости радикальной социально-экономической трансформации в процессе модернизации [Ахиезер 1997, 1998; Бессонова 1997; Пайпс 1993].

Нельзя не сказать о классических исследованиях в философии. Здесь нас интересует трактовка природно-климатического и географического факторов социально-исторической динамики как «механизма

обратного действия» – побуждения и темпы интенсификации тем выше, чем хуже природные условия и меньше природных ресурсов (до определенных пределов) находится в распоряжении того или иного социума [Маркс 1955; Зомбарт 1924; Блок 1986; Мизес Л. фон 1993].

Главная задача научного исследования проблемы, следовательно, привлечения вышеуказанных теоретических положений, – избавление от мифов и штампов, среди которых центральное место занимает тезис о ведущей роли государства в трансграничном взаимодействии. Наша позиция состоит в следующем. При понимании всей важности политического фактора трансграничного взаимодействия мы убеждены, что решение проблемы асимметрии забайкальского трансграничья невозможно без формирования на российской территории полноценного, способного к саморазвитию индустриального общества. И никакие государственные программы развития и поддержки не подменяют собой этой необходимости. Более того, есть основания утверждать, что и дискурс «устойчивого развития», и государственный подход к решению местных проблем способны повернуть вспять или существенно затормозить решение данной проблемы, поскольку уводят как научную и общественно-политическую, так и обыденную мысль от понимания необходимости внутреннего развития. Среди прочих штампов не последнее место занимают суждения о том, что в основе нынешних успехов китайской модернизации лежит государственная политика и в равной мере о том, что причиной катастрофического положения дел в российской части трансграничья стал распад СССР и либеральные реформы. Однако при этом обходятся стороной такие проблемы, как нравственная и духовная деградация, рост преступности, наркомании и почти повсеместная алкоголизация на российской стороне трансграничья.

Судя по имеющейся литературе, апелляция к советскому опыту нарастает, что видно из уже отмеченного нами «социалистического» понимания экономики, стремления к централизации управления и его научного обоснования, из попыток обоснований антизападнических геополитических доктрин. Несмотря на то, что часть мыслителей оценивают советский опыт достаточно реально (как пишет, например, Н. Розов по отношению к проблемам восточного трансграничья, «время голой пропаганды и ударных комсомольскихстроек прошло» [Розов 2006, с. 111]), зачастую апелляция к советскому опыту воспроизводится как нечто само собой разумеющееся и не требующее доказательств. Так, один из авторов в ответ на активизацию строительства в приграничных районах Китая предлагает приступить к строительству городов на нашем Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, и даже прикидывает, как это можно организовать: «Это могут быть всероссийские молодежные стройки» [Селиванов 2008, с. 26]. По мнению автора, это решит политические, демографические и экономические проблемы развития российских регионов.

Одно из наиболее распространенных заблуждений состоит в высокой оценке политики СССР в отношении приграничных регионов, да и вообще советского опыта индустриализации, а также в тезисе о возможности целесообразности его использования сегодня. Избегая идеологической дискуссии, отметим, что при всех относительно высоких достижениях советской экономической системы, она оказалась неспособной работать в новых условиях именно в силу предельной централизации управления и внеэкономичности, которая стала результатом особого – коммунистического – видения проблемы отчуждения. Будучи относительно результативной на среднеиндустриальной стадии развития общества, она оказалась недееспособной в позднеиндустриальной, а, тем более, не может сегодня стать основой постиндустриальной экономики. По своим характеристикам она противоречит одному из главных свойств позднеиндустриальных и постиндустриальных экономических систем: гибкости и предельной дифференциации. «Главное открытие двадцатого века заключается в том, что сложные системы, подобные современным экономикам, не могут быть эффективно подчинены кибернетическому контролю. Детальная и постоянная сигнализация в них должна исходить скорее «снизу», чем быть направляемой «сверху»» [Гидденс 1999, с. 114]. Ясно, что децентрализацию и гибкость в современных условиях могут обеспечить только рыночные механизмы, частная собственность и личная инициатива и ответственность.

Критика геополитических исследований трансграничья: абсолютизация внешнего фактора и поиск Врага

Второе серьезное замечание касается комплекса геополитических исследований, который представляет абсолютное большинство всей литературы по трансграничью. С сожалением приходится констатировать, что отечественной научной мысли не удалось уйти от образа Врага, в том числе при разработке методологических оснований исследований. «Враг» присутствует, как зримо, так и незримо, в значительном числе работ по геополитике трансграничья.

Так, называя страны НАТО «традиционным противником России» не где-то, а во введении к комплексному географическому исследованию феномена трансграничья [Бакланов, Тулохонов, Раднаев 2010, с. 6], авторы, хотя бы этого или нет, задают соответствующее направление мысли. Любопытно, что это отмечено редакторами издания в примечании; там говорится, что не стоит столь прямолинейно оценивать НАТО как нашего потенциального противника, и приводятся весьма убедительные основания.

Рассмотрим работу, в которой функции военно-стратегического и демографического буфера приграничья противопоставляется функция осуществления экономических контактов [Новиков 2010]. Отметим, что данное противопоставление может быть осмыслено при использовании

мир-системной методологии И. Валлерстайна, его разделения мир-империй и мир-экономик, и при понимании модернизации как объективного глобального процесса перехода от доминирования мир-империй к доминированию мир-экономик. Разумеется, при этом необходимо будет признать важность социально-экономического фактора трансформации социальных систем в приграничных районах, и определить его как ключевой в проблеме становления современных отношений. Иначе говоря, военное напряжение на границе будет тем слабее, чем сильнее страны будут вовлекаться в экономическое взаимодействие. Однако здесь же нельзя обойти стороной тот факт, что, как принципом военного взаимодействия является противостояние (не обязательно война), так и принципом экономического взаимодействия остается противоборство, конкуренция. Ясно отсюда, что в этом противоборстве всегда были и будут как выигрывающая сторона, так и проигрывающая. Однако замечателен сам по себе факт, что военное противоборство сменяется мирной экономической конкуренцией. Такое понимание, полагаем, позволит, избежать противоречий, к сожалению, характерных для данной работы.

Вместе с тем высказываются суждения, с которыми нельзя согласиться. С одной стороны, автор справедливо утверждает, что приграничные территории всегда являются «заложниками большой политики» [Там же, с. 22], следовательно, положение в них определялось государством из центра, и, наверное, стоит заметить, это положение не всегда было удовлетворительным, равно как решения центра – оправданными, рациональными и справедливыми. С другой стороны, автор по традиции положительно оценивает роль государства в охране природы и «укреплении рубежей» [Там же, с. 28]. Мы далеки от того, чтобы оценивать роль государства исключительно положительно, как в ведении вопросов внешней политики, так и в отношении к природе и природным ресурсам. Во всяком случае, российская история не дает существенных оснований для такого рода суждений. Единственная роль государства здесь может быть в том, что только оно в состоянии сконцентрировать нужный объем ресурсов для решения геополитических проблем. Но каково будет само понимание и, соответственно, решение этих проблем, если отсутствуют необходимые, распределенные по всему обществу структуры ответственности? Всегда ли это понимание, и, соответственно, принятые государством решения являются оптимальными? Настолько ли бесспорен тезис, что государство, а конкретно – реальные люди и социальные силы у власти, – принимают решения именно в национальных интересах? Наиболее внятно сформулировал эту проблему Н. Розов: «На мой взгляд, бояться нам нужно не внешнего «империализма», который, конечно же, блюдет свою выгоду, в том числе и относительно богатой ресурсами России. Бояться нужно монополии распоряжения национальными богатствами и бесконтрольности наших же

российских властей, которые всегда бесчинно выгребали из России и из Сибири в особенности все, что пользуется внешним спросом» [Розов 2000].

Иначе говоря, решение как данной познавательной проблемы, так и проблемы практической, состоит в *децентрализации структур ответственности*, следовательно, в становлении на российской территории забайкальского трансграничья полноценного современного общества со всеми его атрибутами, включая гражданское общество и этику индивидуальной ответственности, что возможно только по завершении модернизации.

Автор пишет о том, что НАТО «создает угрозу национальной безопасности нашей страны и вносит напряженность в геополитическую ситуацию» [Новиков 2010, с. 25], хотя при этом остается непонятным, какое отношение это имеет к ситуации дисбаланса в забайкальском трансграничье. Используются клишированные суждения, являющиеся, кстати, одним из факторов, сдерживающих становление децентрализованных структур ответственности в российском обществе. Сложно согласиться и с тем, что у России «нет необходимости подчинять себе соседние страны» [Там же] в смысле использования их в качестве буферных зон. Это суждение весьма близко к официально проводимым и довольно распространенным в идеологических текстах точкам зрения об «исконно мирной политике России».

Во-первых, сам разговор исключительно с позиций «буферных зон» есть реальность тоталитарного прошлого. Буферные зоны становятся единственным дискурсом геополитики в том случае, если политическая, социально-экономическая и культурная система данного государства резко отличается от окружающих, иначе говоря, когда принципом существования является «железный занавес», а внутренняя политика характеризуется закрытостью. Буферные зоны предохраняют тоталитарную систему от распада: всякое, как извне, так и изнутри инициированное изменение грозит такой системе уничтожением. Современные общества функционируют на принципах открытости: контакты, внешние воздействия для них есть залог развития. Отсюда ясно, что если мы хотим идти вперед, нам необходимо избавиться от «буферной» риторики, тем более, на уровне научных разработок и учесть многоаспектность геополитического взаимодействия в современном мире.

Во-вторых, сложно объяснить в таком случае многие шаги российского правительства в новейшей истории, равно как необъяснимым становится беспокойство самого автора по поводу попыток блока НАТО «лишить Россию ее внешних буферных зон» [Там же]. Мы оставляем без комментариев этическую сторону этих рассуждений, скажем только, что в значительной мере разрушение этого «исторически накопленного геополитического ресурса» было обусловлено не пресловутым наступлением НАТО на восток, а собственным выбором суверенных стран –

бывших республик Советского Союза, и немалую роль в этом выборе сыграло отношение к ним Москвы.

Надо сказать, что само слово «безопасность» является здесь идеологемой, применение которой заставляет искать проблемы не внутри общества, а во вне, что, конечно же, не приближает к решению проблемы асимметрии трансграничья. Результат не заставляет себя ждать. Когда нужно назвать причину существующего положения дел, она подменяется следствием: «Использование сопредельных территорий России в качестве сырьевых придатков Китаем изменило экономико-географическое положение Забайкальского края» [Там же, с. 27]. «Китай с каждым годом усиливал его (давление), формируя территориальную систему китайских рынков в населенных пунктах России» [Там же]. Как сложилась ситуация, что Китай смог осуществлять такую политику, а российское общество не смогло этому противостоять, автора не интересует. Построение фразы полностью снимает ответственность за происходящее с российского общества.

Между тем автор вводит весьма удачные, на наш взгляд, понятия «экономическое давление» и «экономическое притяжение» в трансграничной зоне. Однако их использование также вызывает вопросы. Ограничение торговли иностранцев на территории России рассматривается автором как вполне логичный акт сдерживания экономического давления на нашу территорию [Там же]. Между тем следовало бы помнить, что дисбаланс есть результат не только повышенного давления с одной стороны, но и недостатка давления – своеобразного вакуума – с другой. Изменение «экономико-географического положения Забайкальского края» началось отнюдь не с планов китайского правительства по вывозу ресурсов и ввозу готовой продукции на территорию России, а с краха советской социалистической экономики, с экономического коллапса, который в конце 80-х – начале 90-х гг. привел к стихийному заполнению извне сложившегося в России товарного вакуума. Разумеется, китайская сторона постаралась извлечь все плюсы из данной ситуации, но к причинам самой ситуации она не имеет ровно никакого отношения. Следовательно, и путь решения проблемы необходимо искать в себе самом. И это решение состоит, на наш взгляд, не в запретительно-ограничительных мерах сверху, а в росте социально-экономической активности снизу.

Таким же клишированным и направляющим поиск причин неудовлетворительного положения дел вовне представляется понятие «духовная безопасность», разумеется, если применять его к проблеме трансграничья [Горина, Новиков 2010, с. 454]. Так, пишут авторы, православная церковь выполняет функцию «духовной безопасности страны», укрепляет ее границу [Горина, Новиков 2010, с. 454]. Полагаем, для этого утверждения и введения самого понятия необходимо указать на источник «духовной опасности» и доказать, что эта опасность исходит из-за

границы. Весьма странной представляется в этом случае асимметрия российско-китайского трансграничья. В материальном плане, в плане развития экономики, следовательно, в отношении к труду, в уровне преступности и коррупции, в уровне алкоголизации и наркомании, в плане демографической динамики мы наблюдаем явный положительный перевес на стороне Китая, но из него же исходит «духовная опасность», от которой нас призвана защитить православная церковь. Возникает вопрос, в чем состоит искомая духовность и ее социальное выражение?

Кроме того, необходимо объективно оценить культурную ситуацию на собственной части трансграничья и, по всей видимости, констатировать здесь «культурную пустоту», «вакуум». В качестве простого примера приведем стремительное восприятие россиянами множества китайских культурных образцов в 80–90-х гг. (календарь, кухня и др.). Отметим, что это пришло только после коллапса советской культуры и только к нам. Ни в Западной Европе, ни в США и Канаде, ни в Латинской Америке это не прижилось в той мере, как в России. Следовательно, это нельзя объяснить исключительно ростом авторитета Китая, увеличением его влияния на геокультурной арене. Это можно объяснить только наличием культурного вакуума внутри самого российского общества. Но социокультурное пространство не терпит пустоты, вакуум заполняется тем, что представляет собой отражение более эффективной социальной стратегии.

Отсюда вытекает необходимость радикального пересмотра взгляда на роль трансграничья в целом. Граница есть не преграда, не область, из которой исходит потенциальная угроза, не проблема, а *возможность развития*. Но актуальной она станет только в том случае, если в самом обществе есть собственные, внутренние предпосылки к развитию. Главные риски и угрозы трансграничья порождены не границей и тем, что находится *за ней*, а собственной неготовностью к успешному и конкурентоспособному взаимодействию.

Использование образа Врага и отождествление его с Западом порождает ряд противоречий, которые выявляются из анализа текстов. В них Запад представляет собой исконного врага, спасение от которого Россия «вынуждена» искать на Востоке. Проводится официально-популярная точка зрения на проблему расширения НАТО и соответствующий взгляд на итоги и суть демократизации и либеральных реформ 90-х гг., которые «разрушили экономику Советского государства» [Тулохонов 2010, с. 38], а также на гумилевскую «Великую Степь» и «евразийское экономическое сотрудничество» как некую альтернативу западной интеграции. Однако утверждение автора, что ШОС может стать «рычагом противодействия блоку западных стран» [Там же], равно как и суждение о необходимости такого рычага вызывают серьезные сомнения. В понимании автора «блок западных стран», которому следует противостоять, представляет собой такую угрозу, перед которой

бледнеют все риски и угрозы российско-китайского трансграничья с его почти катастрофической для России демографической и экономической асимметрией. Так, при разработке экологического аспекта проблемы указывается на недопустимое отношение китайской стороны к проблеме экологии (загрязнение Сунгари, работы по отводу русла рек для орошения), при разработке правового аспекта проблемы в качестве положительно примера интеграции приводятся страны Европы, но при всем этом важнейшей геополитической угрозой остается Запад. Вполне логично, что в реформах П.А. Столыпина видится только одна положительная сторона – переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, а никак не попытка введения этим реформатором западной системы землевладения и землепользования [Там же, с. 39].

В чем состоит познавательная проблема использования образа Врага, становится видно, когда из всех потенциально возможных политических, геополитических, геокультурных, экономических и экологических угроз и рисков в поле зрения авторов попадают только те, что исходят от Запада и «западной глобализации», от несправедливого государства, несправедливо распределяющего доходы [Там же, с. 40], федеральных органов, которые «полностью не осознают необходимость развития приграничных территорий» [Там же, с. 43], от противоположной – китайской – стороны [Там же, с. 41].

Если учесть, что отношение к Западу как к «исконному» врагу России – наиболее распространенный стереотип, исходный для многих исследователей, его значение обнаруживается уже на уровне общетеоретических методологических и философских разработок проблемы. Так, М.Ю. Шинковский пишет об «эпистемологической непродуктивности» европоцентрической концепции интеграции. Европейские авторы не правы, по его мнению, когда говорят о фундаментальной взаимосвязи процесса демократизации и интеграции [Шинковский 2010, с. 14]. Вместо «европоцентрической» «интеграции» автор предлагает работать с альтернативной «глокализацией». Мысль представляется достаточно простой и логичной: есть наша, особенная «суверенная интеграция», которая не посягает на «исконность» политического строя незападных стран. Результат, как нам представляется, тоже ясен: отказ от либерально-рыночного варианта развития регионов и, следовательно, соответствующих принципов трансграничного взаимодействия и перенос всей ответственности на государство. А первой из заявленных автором целей государства является «сохранение постоянного населения, повышение качества его жизни, развитие человеческого капитала» [Там же, с. 32]. Автор приводит пример интеграции АСЕАН, в рамках которой «мирно сосуществуют абсолютно рыночная экономика города государства Сингапур и режим военной хунты в Мьянме» [Там же, с. 14], что, во-первых, представляется некорректным сравнением, поскольку политическому признаку противопоставляется социально-экономический. Во-вторых,

стоило бы довести сравнение до конца и узнать, что дает эта интеграция населению Мьянмы под властью военной диктатуры, и что она дает населению демократического Сингапура.

Как и везде в подобных работах, ответственность возлагается на другого, а причина рисков обнаруживается где угодно, только не в самом российском обществе. Так, автор подчеркивает, что пока Россия «неплохо зарабатывает» на росте товарооборота из Китая в страны Центральной Азии и Европы, но инициатива Китая и других стран по строительству «Нового шелкового пути» и Транскорейской железнодорожной магистрали приведет к резкому сокращению грузоперевозок по Транссибу, а то и к полному исключению России из ключевых «транспортных держав» континента. Планам других стран априорно приписываются «черные замыслы» в отношении России, экономическая сторона вопроса (стоимость и качество перевозок по территории России) во внимание не берется, актуализируются исключительно геополитические мотивы данных проектов, в то время как в первую очередь они коммерческие (опять Валлерстайн и тезис о необходимости переключения с политического мышления на экономическое).

Мы не можем не обратить здесь внимания на моральный аспект проблемы. Автор и не замечает, насколько низко пало российское общественное сознание, что видно по его оценке стремления других стран освободиться от энергетической и транспортной зависимости от России. Проблема в том, что мы уже не видим ничего унижительного в том, что наше «процветание» есть результат роста других, не наших экономик (именно поэтому появляются такие выражения как «транспортная держава», «сырьевая держава»). И когда эти страны, создавшие свои конкурентоспособные экономики, хотят освободиться от лишних затрат, мы оцениваем это как враждебный шаг!

Нельзя сказать, что автор не понимает опасностей, связанных с сырьевой направленностью российской экономики, но и эту проблему должно решать государство. При этом использование стереотипов и штампов подчас носит завуалированный характер. М.Ю. Шинковский говорит о необходимости «глокализации», под которой он понимает «соединение процессов глобализации с региональным контекстом, в реальном политическом процессе принимающим форму трансграничного сотрудничества» [Шинковский 2006, с. 35]. Автор высоко оценивает сетевое взаимодействие, что, казалось бы, не противоречит нашему тезису о необходимости децентрализации структур ответственности в условиях современного трансграничья, однако ряд суждений указывают на типичное государственническое понимание проблемы современного мирового взаимодействия, как в его факторах, так и в целях. Так, например, автор пишет, что должны быть пересмотрены функции полномочного представителя Президента, «дабы он занимался не столько обеспечением единой государственной линии в субъектах Федерации, сколько по-

стоянной и четкой трансляцией их интересов в федеральный центр» [Там же, с. 37]. Налицо та же самая централизованная система взаимодействия, но центр теперь должен «повернуться лицом» к регионам. Весь смысл сетевого взаимодействия сводится к заботе центра о периферии, нет понимания его как способа становления индивидуально ответственных за свою судьбу децентрализованных субъектов и структур, что является сегодня преобладающим и перспективным способом существования глобального мира. Если добавить к этому огромные богатства Сибири и Дальнего Востока, которые автор перечисляет и считает залогом успешного развития российской стороны, то перед нами выстроится традиционное для российской мысли государственно-дистрибутивное потребительское понимание проблем экономического и социального развития общества, да еще и отягощенное фобийными эксцессами. Так, призывая к переориентации внешней политики и экономического сотрудничества на Китай и Восток в целом, да еще и в форме сетевого взаимодействия, автор одновременно опасается «тихого просачивания» китайцев на российскую территорию [Там же].

Редкое исследование геополитического аспекта проблемы обходится без образа Врага еще и потому, что он скрепляет в несложную связку идеологемы «сильное государство» и «национальная безопасность». Не лишним будет обратить внимание и на метафизические обоснования данного конструкта (угроза с Запада – национальная безопасность – сильная власть – поворот на Восток). Выбор вполне ожидаем: из всего философского наследия в качестве оснований служат идеи евразийства и современного ультрапатриотизма, авторитеты, к которым обращается один из авторов, – П. Савицкий, Л. Карсавин, А. Панарин, А. Дугин, А. Проханов [Хобта 2010].

Наличие Врага предполагает наличие сильного государства. Чаще всего, однако, обоснование необходимости государственного регулирования трансграничного взаимодействия напрямую обращается к штампам, минуя какие-либо теоретические основания и философские изыски: «...состояние региональной безопасности не позволяет расширять межрегиональное сотрудничество силами муниципальных властей и населения приграничных территорий, и основной силой развития трансграничного сотрудничества являются центральные правительства» [Зыков 2010, с. 120]. Это выводится из особенностей географического положения региона, его геостратегической значимости и проч. «Как следствие, совершенствование международного сотрудничества и региональной интеграции осуществляется исходя из насущных потребностей пространственного развития страны (которые, разумеется, видны только из Москвы – Д.Т.) при строгом правительственном контроле сопутствующих трансграничному взаимодействию угроз национальной безопасности» [Там же].

Чтобы продемонстрировать родство содержания рационального и эмоционального уровней отражения действительности, приведем следующую цитату из художественного произведения сталинской эпохи: «Немало мы получили от Москвы, я чаю, – получим и еще. Всей Руси Москва мать, владычица и заступница. Скажет слово свое – получим мы еще из Тулы мушкетов добрых, пушек новых, ядер. Еще слово скажет – пойдут нам полки в помощь. Еще скажет – пришлют нам мастеров славных, умельцев, художества знающих. Много чего может дать Москва-матушка сыну своему Архангельску... всей Руси здесь крепость!» [Герман 1989, с. 480]. Иллюзии, что регионы являются самоцелью российской политики, исчезают, если вспомнить исход петровских реформ в отношении Архангельска и других городов, развивавшихся как трансграничные торговые центры до прихода туда казенного интереса. Из исторического опыта начала XVIII века видно, что процветание частной торговли и, соответственно, населения ни на Белом море, ни в каких-либо других регионах (включая дальневосточный и забайкальский) целью московской политики никогда не были.

Весьма характерным для геополитических исследований является стремление подменить внутренние проблемы страны внешними: «большинство внутренних проблем России и конфликтов на ее периферии являются геополитическими по своей природе и, следовательно, могут быть решены на основе объединяющего геополитического видения и стратегии, а не индивидуально по мере их накопления» [Волынчук 2010, с. 156]. Авторы полагают, что геополитический аспект, которым они занимаются, позволяет не обращать внимания на факт внутренней деградации российского общества, но при этом упускается из виду, что прежде чем садиться за карту и рассуждать о противоборстве «центров силы» в АТР и в мире [Цыганков 2003], необходимо трезво оценить возможности самого субъекта геополитического действия, и не в последнюю очередь – его нравственное состояние. Большинство же авторов исходят из того, что российское население с его отношением к труду, с господствующими в его сознании мировоззренческими и нравственными установками является «игроком», равным таким «игрокам» АТР, как китайцы, японцы, корейцы.

Разумеется, авторы не обходят стороной социальные и экономические проблемы России в регионе (прежде всего сокращение населения и экономическая стагнация), но глубинные факторы и причины данного положения дел остаются без внимания, поскольку в качестве причины такого положения дел в подавляющем большинстве случаев приводится штамп. В качестве причин называется государство, оставившее без своего внимания Дальний Восток, и либеральные реформы 90-х гг. Несмотря на то, что идеологический диапазон работ довольно широк, апелляция к государству как главному механизму трансграничного взаимодействия остается почти повсеместной. «Сегодняшние проблемы национальной

безопасности России в АТР обусловлены в т.ч. и недостаточным вниманием федеральных властей в предыдущие периоды к государственным, в том числе геополитическим интересам страны здесь, что проявлялось в недостаточном финансировании программ социально-экономического развития приграничных регионов» [Бакланов, Романов 2010, с. 78].

Касаясь геополитики и ее значения в оценке трансграничного взаимодействия, следует пояснить, что мы признаем наличие геополитических интересов других стран на российской территории и, возможно, где-то идущих вразрез с национальными интересами России. Но за этим фактом нельзя забывать о проблеме внутреннего и самостоятельного развития российского общества, ибо только способное к взаимодействию на мировом уровне общество может стать весомым субъектом геополитики. Но какое отношение к геополитике имеют проблемы духовно-нравственной деградации, алкоголизма и наркомании, неуклонного снижения экономической и социальной активности, ответственности и трудолюбия? Наблюдается и другой интересный момент. Большинство авторов восхищаются, или как минимум не отрицают больших успехов современного Китая на геополитической арене. Однако практически все игнорируют тот факт, что их геополитический успех не предшествует экономическому и культурному, а является их следствием. При осмыслении же проблем России авторы подчас возводят геополитику в абсолют, видят в ней причину неудовлетворительного положения дел в самом российском обществе.

Ход мыслей геополитиков очень прост, но он же указывает на тупик, в который нас заводит абсолютизация внешнего фактора. Так, С.В. Синякин пишет, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе необходимо создание такой системы международных отношений, «в которой России была бы гарантирована достойная роль, соответствующая ее геостратегическому положению в этой части мира» [Синякин 2010, с. 495]. Какова цепь рассуждений? У России уникальное положение в уникальном и перспективном регионе, и надо обеспечить ей в этом регионе достойное существование. Возникает вопрос, нужно ли научное исследование для такого рода суждения, и существует ли геополитика как наука, если в ней возможен такой ход мыслей? Мировая история, а тем более история «новых индустриальных стран» в АТР – регионе, интересующем авторов в первую очередь, подсказывает, что «достойная роль» (мы намеренно пользуемся терминологией автора) той или иной страны не гарантируется ни системой международных отношений, ни фактом уникальности ее положения. Она гарантируется только высокими темпами экономического развития, заметим, внутренне и объективно обусловленного, качественным и ответственным трудом и конкурентоспособностью на мировом рынке. То есть факторами и процессами, ведущими к становлению современного индустриального общества, отнюдь не безболезненного во всех отношениях – геополитическом и внутрисполитическом

(через периоды кризисов и утраты положения регионального или мирового лидерства), культурном и психологическом (через кризисы идентичности и периоды роста коллективных фобий и фрустраций), социальном (через глубокие социальные потрясения, связанные с глубинной трансформацией общественной системы). Заменить этот процесс трансформации не представляется возможным никакими «системами международных отношений».

Одним из ключевых в рассуждениях геополитиков является понятие «национальный интерес» и/или «национальная безопасность». Так, А.А. Тушков в споре с западными концепциями интеграции стремится доказать факт существования национальных интересов и обосновывает необходимость данного понятия и данного дискурса [Тушков 2010б]. Автор констатирует, что «для определения национальных интересов необходимо исходить из позиций национально-государственных интересов (наций-государств)» [Там же, с. 522]. Далее государственническая позиция смягчается поворотом в сторону свободы личности. Под национальными интересами России автор понимает «свободу, процветание и безопасность нации, ее индивидов и сообщества в целом, т.е. совокупность сбалансированных причинно обусловленных потребностей и неотъемлемых ценностей личности, общества и государства...» [Там же]. Возникает вопрос, как принимать геополитику национального государства, в число ценностей которого свобода и достоинство личности не входят? Интересно, что южное направление российской геополитики в трактовке данного автора обнаруживает серьезные, мы бы сказали, сущностные противоречия. Одним из интересов России автор считает «сохранение мира и стабильности в Кавказском регионе, построение отношений между Россией и закавказскими государствами на основе взаимного учета интересов», «разрешение конфликтных ситуаций с Грузией», но при этом не последнее место в списке «интересов» займет «поддержка пророссийски настроенных сил в Южной Осетии и Абхазии» [Тушков 2010а, с. 533].

Следующая работа дает представление о том, насколько далеко от реальности могут находиться геополитические исследования трансграничья. «Россия уже сегодня и лично сам Путин являет пример чести и стремления к справедливости в международных делах», пишет автор [Жамсаранов 2006, с. 82]. Он рассуждает о геополитических процессах с точки зрения принципа «справедливости», но принцип этот понимается исключительно с позиций перераспределения мирового богатства. В частности, автор пишет о том, что будет, если Европа, «привыкшая к очень высокому уровню жизни, не пожелает поделиться частью своего довольства» [Там же]. Очевидно, что и этот автор, и значительное число других даже не ставят вопрос об источнике происхождения этого «высокого уровня жизни», равно как о природе социально-исторических трансформаций, об их факторах. Мировая экономика в этих представле-

ниях является в виде некоего пирога, который нужно правильно («справедливо», «праведно», «в соответствии с истинными духовными ценностями», «в интересах трудящихся») поделить, и в этом заключается решение проблемы. Отрицательные коннотации в адрес наличного миропорядка – «несметные богатства», «золотая элита», «абсолютное равнодушие к судьбам остальной части мира» и т.п. – свидетельствуют о сильной идеологической интоксикации, которая не позволяет даже приблизиться к научному пониманию проблемы. Ясно, что такая региональная интеграция (о ней заявлено в названии работы) превращается в свою противоположность – государственную централизацию, которую возглавляет справедливый и мудрый лидер, стремящийся повернуть глобальный процесс в «правильном» направлении. Регионализация, объективно требующая становления общества индивидуальной ответственности, сводится к тому, что богатый Запад должен поделиться с бедными странами, а Москва должна позаботиться о периферии.

Идеологические штампы и мифы о «золотом миллиарде» и его несметных богатствах по прежнему сильны в посттоталитарной России, и на данном конкретном примере видна их «работа». Они не просто препятствуют научному исследованию проблемы, они исключают его. Но, повторим, речь идет не только о научном освоении действительности. Охватывая значительное число людей, эти мифы «обретают материальную силу», а в случае нашего объекта – забайкальского трансграничья – и в совокупности с почти неограниченными природными ресурсами они способствуют увеличению его асимметрии.

Справедливости ради следует признать, что в нашем распоряжении имеются реальные оценки геополитического положения России в восточном трансграничье и вполне адекватное понимание геополитики как фактора общественного развития. Это работы, вносящие большой вклад в преодоление привычных штампов и мифов, поскольку их авторы ставят проблему достаточно объективно.

В.В. Желтов дает подробный и многоаспектный анализ и типологию границ, утверждает, что война как способ решения политических и геополитических проблем уходит в прошлое, теряет нравственную легитимацию, превращается в криминальное действие [Желтов 2010, с. 64]. Автор связывает это с процессами демократизации. «Ныне границы призваны соединять людей, нации, сообщества», «границы должны становиться символами, а не барьерами» [Там же].

Л.Н. Гарусова дает здравую оценку ситуации, подчеркивает опасность сырьевой направленности экономики, и что очень важно – роста антизападнических и антиамериканских настроений. «Если Россия останется в плену антиамериканских иллюзий и настроений, то она отстанет от процесса конструктивного взаимодействия с США и Западом в надежде укрепить дружбу с Китаем. Это уменьшит конкурентные преимущества России и ослабит ее политические позиции, в том числе в Во-

сточной Азии» [Гарусова 2010, с. 193]. При этом справедливо отмечается, что по мере укрепления экономических и политических позиций КНР интерес к России будет неуклонно снижаться. Не исключено, что Россия окажется на большем расстоянии от Запада и США, чем современный Китай, и никакие антиамериканские лозунги этого положения не выправят.

Эти суждения способны, на наш взгляд, развеять иллюзии сторонников военного и политического сотрудничества России с Китаем против Запада и США. Данные иллюзии являются производными от наиболее распространенной идеи, напрямую связанной с отождествлением Запада с Врагом – идеи переориентации российской внешней политики с Запада на Восток [Ермолаев 2010; Тулохонов 2010; Цыганков 2003; Шинковский 2006]. Представляется, что предсказанное Л.Н. Гарусовой во многом уже сбылось, и по ряду существенных показателей, в том числе в плане становления постиндустриальной экономики Китай далеко обогнал Россию. В этой связи важно покончить еще с одной иллюзией – иллюзией безоговорочной заинтересованности Китая и других стран Востока в союзе с Россией. Учитывая стремительно нарастающее технологическое, экономическое, а не за горами и научное отставание России, сомнительно, что военно-стратегический союз с ней так уж привлекателен для Китая, особенно в виду наличия в России огромных запасов сырья и ресурсов. Это, конечно, наихудший сценарий развития событий, но не напоминает ли сегодняшняя Россия Османскую империю XIX – начала XX века, когда никто из европейских держав не стремился связывать себя с нею союзническими обязательствами ввиду перспективы ее будущего раздела? И здесь, все дальше вступая в противоречия с Западом, идя на поводу у собственных амбиций, не попадает ли Россия в «восточную ловушку», когда она окажется один на один с экономически и военно-политически мощным Китаем, гегемоном азиатского континента, да еще и вне европейского правового поля?

Но мы не хотели бы отводить геополитическому фактору внимания больше, чем он того заслуживает, и вновь возвращаемся к важнейшей для нас проблеме внутреннего развития российского общества. Автор говорит о необходимости продолжения в России рыночно-демократических преобразований [Гарусова 2010, с. 194], и здесь хотелось бы привести еще одно соображение. Если Россия не в состоянии конкурировать с Западом ни в одном из сегментов мирового рынка, и потому отечественные стратеги упорно пытаются переориентировать ее на Восток, то откуда взялась иллюзия, что конкурировать с восточными, а особенно дальневосточными субъектами мировой экономики, такими как Китай, Япония, Южная Корея, будет легче? От внимания геополитиков ускользнул тот факт, что капитализм, от которого Россия бежит с Запада, давно стал принципом глобального сотрудничества на Во-

стоке, и восточные страны показывают в этом взаимодействии очень и очень большие успехи.

В целом же, в силу всех вышеуказанных причин, среди которых наиболее важной является подмена теоретизирования привычными штампами геополитики, выводы в большинстве работ предсказуемы, если не сказать банальны, и мало отличаются от популистских заявлений в государственных средствах массовой информации: для исправления ситуации нужно увеличивать уровень благосостояния населения, справедливо распределять доходы от продажи ресурсов, государство должно обеспечить экономический рост и безопасность и т.д. и т.п.

Критический анализ геополитического направления исследований трансграничья мы бы хотели закончить работой, отличающейся высоким научным уровнем [Розов 2006]. Автор стремится дать анализ и оценку современным тенденциям в российско-китайском трансграничье, теоретической и методологической базой выступают работы в области исторической макросоциологии и теоретической истории. Отталкиваясь от обобщающих концепций западных социологов в области геополитики [Стинчкомб 2003; Коллинз 1998], автор призывает рассматривать феномен трансграничья в контексте «большой истории». В наиболее общем смысле трансграничье предстает у него как «регион, объединяющий приграничные области двух и более государств в условиях тесного многостороннего взаимодействия» [Розов 2006, с. 109]. Появление этого феномена он связывает с возникновением на политической карте мира национальных государств, приводит ряд исторических аналогий российскому трансграничью. Далее, основываясь на идеях и метафорах Цымбурского («острова», «твердые платформы», «материки», «проливы», «лимитроф») [Цымбурский 1993], он вводит исследование в сферу геополитики, предлагая использовать в качестве теоретической и методологической базы современные наработки в области исторической макросоциологии. Оценивая ситуацию в российско-китайском трансграничье как «не повод для паники и уж конечно не для закрытия границ, но для серьезной тревоги и вдумчивой геополитической экспертизы любых решений» [Розов 2006, с. 111], автор пишет о том, чего делать нельзя, и что сделать желательно. Главная идея, которая делает его рекомендации нетривиальными, и, скажем больше, непопулярными – укрепление связей с Западной Европой, включая совместное освоение природных ресурсов, наведение коммуникаций, которые соединили бы собой Западную Европу и Россию на дальневосточных рубежах и в Сибири в единое целое, и которые составили бы некий противовес нарастанию влияния Китая. Попутно затрагиваются геоэкономические и геокультурные аспекты. Смысл последнего состоит в том, чтобы российско-китайское трансграничье стало форпостом «великой русской и великой европейской культуры» [Розов 2006, с. 113].

Следующие замечания относятся не к данной работе конкретно, поскольку ее автор изначально ставил своей задачей рассмотрение именно геополитического аспекта проблемы, а к направлению геополитики в целом. Оно, на наш взгляд, не в состоянии решить проблему трансграничного взаимодействия без глубокого анализа социально-экономических тенденций и учета закономерностей развития общества в данной сфере. И вот почему.

Мы полагаем, что социально-экономическая сфера – это как раз то, что дает необходимый импульс, энергию, а заодно и содержание динамике социальных систем на геополитическом, геоэкономическом, геокультурном уровнях. Если угодно, можно привести следующее образное сравнение. Представим себе двух пожарных, тушащих пожар каждый из своей машины, со своим пожарным рукавом. Представим, что у одного пожарного машина, нагнетающая давление пены, работает исправно, и, разумеется, он тушит пожар быстро. У другого пожарного машина неисправна, и давление, подающееся в рукав, явно ниже необходимого. Разумеется, второй пожарный пытается компенсировать недостаток давления в рукаве различными манипуляциями с брандспойтом, но он все равно отстанет от первого, как бы не старался. Социально-экономическая динамика – это и есть давление, а манипуляции пожарного с брандспойтом – тот или иной внешнеполитический курс. Разумеется, мы не можем не признать, что геополитика тоже влияет на социально-экономическую динамику общества. Она может создавать благоприятные или неблагоприятные условия экономической деятельности, она может предоставить широкие рынки, а может их отнять, может обеспечить допуск к мировому культурному капиталу и интеллектуальному ресурсу и тем самым создать предпосылки для будущего расцвета, а может и перекрыть его. Но чего она не может, так это подменить собой собственно социальную активность, саму деятельность людей. Именно так никакая форма брандспойта, никакие манипуляции и мастерство пожарного не могут заменить собой давление пены в системе.

Наверное, лишним будет проговаривать, что главной проблемой российского трансграничья мы видим именно отсутствие такой динамики и активности. И именно поэтому наши замечания относятся отчасти и к данному автору. Мы полагаем, что все предложения по исправлению ситуации, какими бы верными они не были и на каком бы серьезном научном фундаменте они не покоились, будут недостаточными, если в работе нет учета главного, что делает геополитику успешной или безуспешной. Потому, полагаем, и все предложения и усилия данного автора, равно как и многих других, останутся напрасными. При этом эту внутреннюю социальную и экономическую активность и динамику – назовем ее «внутренним давлением» – ни в коем случае нельзя понимать как уровень экономического развития, уровень жизни, качество жизни, и даже как демографический или технологический уровень. Та-

кое понимание – впадение в другое заблуждение. Под таким давлением мы понимаем волю и стремление людей, которые, разумеется, существуют, ослабляются или усиливаются не сами по себе, а как результат тех или иных социально-экономических и социально-экологических обстоятельств. Эти воля и стремление реализуются в успехах экономического и социального развития, в процессе культуротворчества, в технологическом прогрессе, что собственно, и создает необходимую энергию и задает содержание геополитическим устремлениям государства.

Критика культурологических, политических и междисциплинарных исследований трансграничья

Мы уже отмечали в первой части значимость культурологического подхода и ряда междисциплинарных исследований в изучении реального трансграничья, в преодолении мифов и идеологем, не позволяющих составить представление об истинном положении дел. Обратим внимание, что культурологические исследования способны объяснить целый ряд фактов, приведенных выше, в том числе значение сохранения образа Врага в современных российских исследованиях трансграничья. О. Бредникова показала, что граница в советской культуре всегда была связана с потенциальной угрозой, которая в любой момент могла стать актуальной. Это наполняло концепт «граница» свойствами активно действующего субъекта: «граница не знает покоя», «граница не дремлет» [Бредникова 2002]. При этом угрозу представляет враг, проникающий не только «извне», но и «изнутри». Более того, постепенно, по мере оформления тоталитарного государства граница приобретала смысл абстрактной границы между Добром и Злом. Добром в советской культуре является пролетарское или рабоче-крестьянское, а Злом – буржуазное (сегодня – «исконное» и «западное», «духовное» и «бездуховное»). Миф об окружении советской страны как страны Добра Врагами породил представления о ее «островном» положении, и автор отметила широкое использование этого конструкта в современных работах по геополитике [Ильин 1995; Цымбурский 1993].

Однако на наш взгляд, это во многом связано не столько с традицией или ментальными рецидивами, сколько с новой социальной стратегией, избираемой современным российским обществом – стратегией негативной мобилизации, которая исключает любое внутреннее развитие за счет «мобилизации против» – создания образа Врага, перекладывания ответственности на него и любые внешние факторы. Данный феномен достаточно хорошо изучен на уровне социологии культуры [Гудков 2005], мы же пытаемся рассматривать его на социально-философском уровне и, связывая его с проблемой модернизации, говорим о негативной мобилизации как контрмодернизационной стратегии современного российского общества [Трубицын 2010]. Разумеется, это напрямую связано с проблемой асимметрии российско-китайского

трансграничья: разница в темпах и направленности модернизационных изменений в российском и китайском обществах видна невооруженным глазом.

Большое значение для понимания проблем трансграничья имеют выводы А. Неклессы относительно будущего России. Мы уже отмечали, что главным в его трактовке современных мировых процессов является констатация текучести, изменчивости. «Трансграничье, к которому подошло человечество, глобально как театр действий. Людское половодье сливается в безбрежный океан, знаменуя пришествие новой реальности, которая так или иначе проникает в мир и с черного, и с парадного входа. Социальная же история в этой растворяющей все и вся среде распадается на множество частных повествований, где личность реализует свой проект и сюжет» [Неклесса 2003]. Автор описывает структуры нового пространства, в которой уже почти нет места национальным связям. Эта структура транснациональна по сути. «Раньше доминирующей социальной реальностью на планете были государства. На сегодняшний день они не то, чтобы перестали существовать, но появились какие-то другие влиятельные субъекты, действия которых подчас носят не менее, а то и более важный характер. В мире возникают новые сообщества, амбициозные корпорации, действующие в «третьем измерении» социальных связей – транснациональном пространстве» [Там же].

То, что предлагает российская культурная картина мира в качестве ответа на этот глобальный вызов, автор анализирует в другой работе [Неклесса 2010]. Россия прошлого – это «прообраз трансконтинентальной страны, раскинувшейся в один из периодов истории и на двух, и на трех континентах, включив часть Американского материка, и первыми заглянувшей на край континента четвертого» [Там же]. Мир же, в котором России предстоит жить, и который уже является нам посредством трансграничной зоны – это «пространство все более конкурентное, арена непрекращающейся битвы за будущее, за его образ, за реализацию собственной формулы миростроительства» [Там же]. Естественно, необходим адекватный ответ на этот вызов. И никакая «державность» здесь, видимо, уже не поможет. «Вертикаль есть упрощенная логика властвования, возникающая как производное от исторически вынужденного «держания» («держава») обширных пространств и населяющих их разноплеменных народов, господства над ними («господарь», «государь»)» [Там же]. Подобная логика организации общества, по мнению автора, продуцирует сословность и разделение, замедляет социальную динамику, снижает интенсивность передвижения, общую подвижность. «И разделяет его в итоге на имобилизованную середину («подчиненный остаток») и пассионарную центробежность, выходящую за пределы страны, «государства»» [Там же].

Проблема не прозвучала бы столь остро, если бы эти философские, даже в чем-то метафизические построения автор не подкрепил

данными социологии культуры. Опросы Левада-Центром молодых представителей российского среднего класса с достаточно высоким уровнем дохода и деловой активностью показали, что половина респондентов «думают о возможности уехать из России навсегда или хотя бы на время, две трети людей, в том числе успешно устроивших жизнь, хотели бы отправить детей учиться или работать за границу, а треть рассматривает возможность отправки их за границу навсегда» [Там же].

На необходимость децентрализации структур ответственности указывают де-факто работы Д.Г. Емченко [Емченко 2009]. Автор полагает, что «функционирование трансграничного региона неразрывно связано с феноменом «пограничной» культуры, т.к. именно такая культура способствует межкультурному взаимодействию и синтезу». Пограничные культуры – это «полиэтнические объединения, складывавшиеся на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза – синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур» [Там же]. Со ссылкой на работу С. Семенова [Семенов 1994] автор пишет, что это – «целостные общности, исторически сформировавшиеся на рубежах между христианским, исламским, буддистским и языческим мирами и включающие в себя, в различных комбинациях, многие их элементы» [Емченко 2009, с. 47].

Являясь гетерогенной по существу, культура трансграничного региона формирует соответствующего человека, которого называют маргинальным [Там же]. Однако эта маргинальность не связана с процессом деклассирования и люмпенизации, а подразумевает человека, «живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов» [Там же]. То есть, речь идет не о социальной, а о культурной маргинальности, которая является результатом естественного развития человеческих сообществ – расширяющегося взаимодействия культур. Со ссылкой на работы Э. Стоунквиста и Р. Парка [Парк 1998; Stonequist 1961] автор трактует маргинального человека как «ключевого субъекта в контактах культур», «который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно. Такой человек неизбежно становится индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами» [Емченко 2009, с. 48].

Мы подчеркивали значения работы В.М. Кузьмина для развития неклассических представлений о пограничном/трансграничном взаимодействии [Кузьмин 2006]. Автор писал о важности «свежих» подходов, о необходимости привлекать западный опыт исследования мировых интеграционных процессов, совмещая их с тенденциями демократизации и регионализации. Рассмотрим здесь то, что представляется противоречивым. Автор подчеркивает, что «динамичное развитие приграничного и трансграничного сотрудничества является характерной особен-

ностью современного этапа международных политических, экономических, культурных отношений Российской Федерации» [Там же, с. 89]. Однако, сравнивая динамику сотрудничества в современной России и Западной Европе, он указывает на явное отставание России в этом отношении. Только около трети регионов России интенсивно развивают международную деятельность, в то время как географические условия позволяют большее: из 89 субъектов РФ 45 являются приграничными или прибрежными, и есть даже один анклав, ко всему прочему эти территории занимают по площади 76,6 % всей территории России, в них проживает 43,1% населения страны [Там же, с. 90]. Несмотря на то, что автор отмечает мимоходом очень важное для нас обстоятельство, для него, по-видимому, ключевым оно не является. Он указывает, что лишь часть субъектов РФ имеют «объективные экономические предпосылки» для развития внешнеэкономических связей в целом и трансграничного и приграничного сотрудничества в частности [Там же]. Что стоит за «объективными экономическими предпосылками», он не поясняет, а далее выдает свою версию причины столь разительного отличия европейского сотрудничества от российского: «по-видимому, активность стран Центральной и Восточной Европы объясняется извечным стремлением ее населения и деловых кругов преодолеть традиционную государственную раздробленность, превратив границы между странами из серьезных барьеров в зону экономических, образовательных и этнокультурных контактов» [Там же, с. 91]. С этим сложно согласиться и по факту (это стремление отнюдь не «извечно», оно связано только с одной эпохой – эпохой поздней модернизации европейского общества), и в принципе как с причиной. Сомнительно, что причины бурного интеграционного процесса в европейском обществе лежат исключительно в сфере культуры. Скорее всего, на правильный ответ указывает выражение автора «деловые круги». Именно последние в динамично развивающейся частнокапиталистической европейской экономике имеют куда большее воздействие на социально-политические и культурные процессы, чем в стагнирующей государственно-дистрибутивной российской. Это замечание тем важно, что оно опровергает установку большинства авторов об удобном географическом положении как предпосылке развития трансграничного взаимодействия. В.М. Кузьмин приводит факты, указывающие на более чем благоприятные условия России для развития трансграничных связей, но результат на фоне западноевропейского – почти нулевой. Представляется очевидным, что ключевым фактором взаимодействия является только и только внутренняя социальная динамика общества, требующая или не требующая развития внешних связей. И асимметрия забайкальского трансграничья объясняется как раз дисбалансом этой внутренней динамики. Такая предпосылка есть на китайской стороне и почти отсутствует на российской. Однако важно, что автор различает приграничное и трансграничное сотрудничество сле-

дующим образом: «В Западной Европе конец 50-х гг. XX в. был обозначен переходом приграничного сотрудничества к качественно новому состоянию – трансграничному сотрудничеству в формате еврорегионов» [Там же, с. 90]. Таким образом, трансграничное сотрудничество является историческим этапом приграничного сотрудничества.

Если говорить о политических исследованиях процессов интеграции и регионализации, очень важно отметить разработки Э.Б. Хааса, который еще в середине прошлого века, изучая интеграционный процесс в Европе и строя свои исследования на неофункционализме, утверждал доминирование экономического фактора в возникновении и развитии приграничных территорий. Он говорил о необходимости и желательности формирования в мире новых региональных союзов [Haas 1958]. Этот процесс он определил как «процесс, в ходе которого участники политической жизни нескольких отдельных национальных систем склоняются к тому, чтобы переориентировать свою лояльность, цели и политическую деятельность в сторону нового центра, институты которого обладают юрисдикцией или претендуют на ее распространение по отношению к существующим национальным государствам» [Кузьмин 2006, с. 93]. При этом Хаас утверждает, что лояльность может быть переориентирована не только «вверх», но и «вниз», на региональный уровень, если только основные социальные группы связали с этим уровнем свои ожидания и готовы подчиниться ему скорее, чем национальным властям [Кузьмин 2006, с. 94]. Б. Льюнг отмечает к тому же, что «ход интеграционного процесса облегчается в тех случаях, когда население региона испытывает недовольство своим положением и утратило веру в способность прежних государственных структур его выправить» [Там же].

Здесь, однако, содержится еще одна ловушка, в которую, скорее всего, попадутся российские теоретики альтернативной интеграции, в том числе – в забайкальском трансграничье. Все зависит от того, что это за население и чего оно ожидает от центра. Если речь идет о сильном и независимом предпринимательском классе, который сам в состоянии о себе позаботиться и тяготеет лишь ограничительными мерами центра, а от границы ожидает расширения своих возможностей, это одно. Если же речь идет об абсолютном большинстве экономически пассивного населения – пенсионерах, «силовиках» и других «бюджетниках», рабочих и служащих госкорпораций и «естественных» монополий – это совсем другие ожидания, отнюдь не способствующие, а скорее препятствующие приграничному интеграционному процессу, поскольку они связывают решение своих проблем исключительно с федеральным центром. То есть, вновь подтверждается необходимость добротного социально-экономического анализа ситуации в изучаемом трансграничье.

Говоря о региональных культурологических и смежных исследованиях трансграничья, хотелось бы оттолкнуться от работы, выпол-

ненной на Дальнем Востоке [Бляхер 2010]. Перед нами – оригинальное и глубокое междисциплинарное исследование, на которое необходимо обратить внимание в рамках смежных по отношению к проблеме трансграничья региональных работ. На основе методов культурологии, политологии и анализа экономической ситуации автор описывает непростые отношения в приморском трансграничье между его ключевыми акторами: местным населением, федеральным центром и сопредельной стороной. Особенно интересно описание взаимодействия между периферией (Дальний Восток) и центром (Москва) в пореформенные годы. На основе демифологизации ключевых культурных концептов, отражающих особенности этих взаимоотношений, а также на основе анализа экономической и политической ситуации, автор говорит о важности «несистемного» взаимодействия («несистемные сети»), которое играет огромную роль в развитии региона именно как трансграничного.

Автор прямо пишет о том, что сегодняшняя ситуация на Дальнем Востоке – конфликт между Дальним Востоком и федеральным центром – обусловлен тем, что Москва внезапно «вспомнила» о том, что у нее есть дальневосточные интересы и рубежи, вернулась в регион, но за это время здесь уже сложились свои, иные для Москвы правила игры – т.н. несистемные сети, немалую роль в которых играет криминал и коррупция. При этом есть основания считать, что возвращение центра в регион отнюдь не связано с заботой о нем. Хотя важность региона властью подчеркивается достаточно часто, интерес этот весьма специфичен. «Регион каждый раз оказывается важен не сам по себе, а как средство для достижения чего-то внешнего по отношению к нему. Через него проходит труба, по которой сибирский газ должен попасть потребителям в АТР. Из его портов отходят танкеры... Через него в европейскую часть России проникают «нехорошие мигранты». Сам регион выпадает из сферы интересов как журналистов, так и чиновников» [Там же, с. 317 – 318].

Уход государства в 90-е гг. был компенсирован собственным развитием региона, становлением «несистемных сетей» взаимодействия. Регион жил, точнее, пытался выжить, находясь вне внимания федерального центра. И о нем у центра, в равной мере как и у региона о центре, сложились мифологические представления. «Согласно мифологическим представлениям, которые, кстати, вполне согласовывались со статистическими данными, зачастую, еще более мифологическими регион был «пуст» и «беден», остро нуждался в инвестициях, людях и т.д. Наличие у «пустоты» собственных, причем жестко отстаиваемых интересов оказалось шоком» [Там же, с. 342].

Между тем, эти сети играют в трансграничной экономике региона такую роль, что меры центра по наведению порядка нуждаются в дополнительных механизмах легитимации. «Властный центр с удивлением убедился, что его собственные действия по наведению законного

порядка или борьбе с олигархами воспринимаются населением региона как нелегитимные или не вполне легитимные» [Там же, с. 344]. Несистемные сети стали системными, при этом речь идет не обязательно о преступности и коррупции. Последствия серьезны, в том числе – экономический спад, «достаточно слабо связанный с мировым экономическим кризисом» [Там же, с. 345]. Этот спад связан, как это ни странно, с увеличением активности федерального центра в отношении региона.

Очень важно, что автор обнаруживает прецеденты данной ситуации в прошлом – на рубеже XIX – XX вв. Но тогда «желтороссией» называли территории Китая, колонизированные русскими – Северо-Восточный Китай в зоне КВЖД и Ляодунского полуострова. Сегодня, считает автор, этот термин применим к южной части Дальнего Востока и Тихоокеанскому побережью [Там же, с. 339]. Социальные сети «желтороссии» оказались под ударом в период нулевых именно потому, что страна «вспомнила о наличии дальневосточных территорий». Осваивали, как им казалось, «пустое пространство», а натолкнулись на заполненное, на «желтороссию». Эта «заполненность» была воспринята центром как внутренняя угроза, что вызвало соответствующие действия и отношение региона. Озвучивается суждение, имеющее большое значение на фундаментальном уровне. Со ссылкой на работу М. Олсон [Олсон 1998] автор пишет: «Осуществляемое государственное вторжение в частную сферу начинает осознаваться как нелегитимное... государство перестает быть инструментом социальной интеграции, во всяком случае перестает осознаваться в таком качестве... политическое вторжение разрушает социальную ткань общества, выступает сильнейшим дезинтегратором» [Бляхер 2010, с. 323]. На сегодняшний день главную проблему составляет компромисс трех сторон, при котором необходимо обеспечить минимум потерь. «По сути, на Дальнем Востоке сегодня реализуется уникальный проект по интеграции «несистемных сетей... Насколько успешной окажется эта попытка, покажет ближайшее будущее» [Там же, с. 346].

Работа имеет, на наш взгляд, не только прикладное, но и большое фундаментальное значение, т.к. по существу в ней апробирована методология культурологического исследования, ранее не применявшаяся к анализу отношений между центром и периферией как трансграничной зоной. Очевидно, что все представленное в данной работе, как на уровне разработки теории и методологии, так и на уровне прикладного исследования может быть применено к осмыслению проблем забайкальского трансграничья. Мы убеждаемся, что реальных участников трансграничного взаимодействия не два, а три, и интересы федерального центра отнюдь не совпадают с интересами приграничного региона с «железной необходимостью», как это представляется национал-государственникам. Автор дает блестящий образец культурологического и политологического анализа их отношений, который может быть

использован для проведения подобного исследования в Забайкалье, где, разумеется, со своей спецификой, имеются подобные проблемы взаимоотношений трех субъектов. Нельзя не подчеркнуть роль работы в разоблачении некоторых политических мифов, в том числе мифа о «заботе» центра о провинциях, о «роли государства» в защите национальных интересов, о «желтой угрозе».

Есть некоторые замечания к работам, выполненным на территории забайкальского трансграничья. Это уже упомянутые нами труды М.И. Гомбоевой и Д.В. Сергеева.

При всей важности высказанных М.И. Гомбоевой положений относительно толерантности и необходимости признания Другого, стоит отметить, что некоторые моменты в ее работе остаются не освещенными. Когда автор говорит об исторически сложившемся в Восточном Забайкалье новом качестве трансграничья – «единого социокультурного пространства регионов, структурирующегося трансграничными социокультурными сетями взаимодействия» [Гомбоева 2006, с. 43], создается впечатление, что забайкальское трансграничье представляет собой некий передовой тип взаимодействия, что вызывает большие сомнения. Хочется задать вопрос: так в чем проблема? На наш взгляд, остаются без объяснения издержки и недостатки забайкальского трансграничья, главным среди которых, конечно, является асимметрия. Автор пытается отчасти объяснить это, отчасти спрогнозировать дальнейшее при помощи идеи «длинных волн» экономического развития (Россия пропустила «вторую волну»), но в конечном итоге рисуется вполне приемлемая картина. Да, у нас есть определенные недостатки – положение сырьевого придатка, неразвитость индустриальной базы и др., но «обеспечивая политику роста» (за этим кроются инновации, а также территориальная, монетарная и налоговая политика), политику «сверхиндустриализации» (нацпроекты, технопарки), мы можем выправить ситуацию [Там же, с. 46]. Характерно, что здесь перечислены все проекты середины 2000-х, о которых сегодня можно с уверенностью сказать, что они провалились. Или, во всяком случае, тот незначительный эффект, который, возможно, и получает общество по реализации этих проектов, ни в коей мере не сопоставим с социокультурной и социально-экономической динамикой на сопредельной стороне и почти не решает проблемы асимметрии трансграничья.

Д.В. Сергеев активно использует в своих исследованиях методологию постмодернизма, говорит о его потенциале [Сергеев 2005а, 2005б] и дает характеристику «жителя мира без границ», иначе говоря, трансграничья. Это человек, который способен быстро адаптироваться в разных социальных условиях, открыт к диалогу с другими культурами и народами, охотно изучает иностранный язык, мобильно овладевает семантико-семиотической системой поведения другой культуры, социально мобилен и предприимчив. Хотя автор констатирует, что это – об-

раз «успешного» взаимодействия индивида и трансграничья, есть и множество других типов, населяющих данный регион, в том числе такой, который всегда недоволен сложившимся положением вещей, тоскующий по былому «пограничью».

Ясно, что такая постановка вопроса открывает большие возможности для анализа ситуации в забайкальском трансграничье, равно как и для решения проблемы его асимметрии. С опорой на работу А.В. Пелина [Пелин 2003] автор утверждает, что «центр по-прежнему держит монополию на осмысление и санкционирование каких бы то ни было нововведений, в том числе и в области межкультурного сотрудничества, но первые непосредственные контакты между культурами происходят как раз на границе» [Сергеев 2005а, с. 27]. Однако столица не всегда способна справиться с функциями, которые на нее возложены или которые она пытается на себя брать. «Столицы государств, концентрируя социальные капиталы, не всегда способны эффективно концентрировать экономические капиталы, но еще хуже контролируют присвоение символического капитала» [Там же]. «Социальная активность жителей лимитрофа прямо пропорциональна репрессивной силе центра. Столица, желая удержать власть над провинциями, ограничивает им доступ к социальным и экономическим капиталам, что должно привести к нулевому уровню политическую жизнь на периферии. Однако это приводит скорее к оттоку жителей, которые, вооруженные жадной символической власти, сметают на своем пути к реальной власти любые преграды» [Там же, с. 31].

Действительно, если отбросить в значительной мере идеологизированную критику постмодернизма, якобы «размывающего культурные, а затем и физические границы наций и государств» и «являющегося орудием космополитизма», то перед нами направление, располагающее значительным потенциалом и способностью разрушить целый ряд мифологем и штампов. Соглашаясь в целом с выводами о необходимости трансформации функций границы в современном обществе в сторону ее десакрализации и демифологизации, мы все же отметим некоторые недостатки постмодернистской методологии. Постмодернизм хорош, когда необходимо разрушать стереотипы, так сказать, расчищать место, но в качестве научно-созидательного инструмента мы предлагаем обратиться к классическим концепциям, в том числе – концепции модернизации, к теории индустриального и постиндустриального общества. А отсюда – для объяснения некоторых явлений, связанных с мировой исторической динамикой – мы призываем учесть некоторые классические положения философии и науки о развитии.

Приведем конкретный пример. В одной из работ автор совершенно безапелляционно заявляет, что «мы живем в информационном обществе» [Сергеев 2006, с. 113]. Представляется, что подобное утверждение способствует сокрытию причин, да и самого факта асимметрии

российско-китайского трансграничья. Настолько ли далеко продвинулось российское общество в целом и в забайкальском регионе конкретно, чтобы по отношению к нему было верным данное утверждение? Вопрос, являются ли информация, знания, фактический уровень квалификации кадров настолько важными факторами общественного производства в российской части трансграничья, чтобы это общество можно было бы назвать «информационным» – представляет собой большую проблему. Следует помнить также, что информационное общество есть фаза общественного развития, характеристики которой не исчерпываются одними лишь технологическими показателями или фактами потребления передовых культурных образцов. Это еще и комплекс нравственных изменений, среди которых не последнюю роль играет отношение к труду и другим людям.

Полагаем, что причиной культурогенеза (а прежде всего в решении проблемы асимметрии трансграничья важно включение механизма производства образцов на российской стороне) не является только лишь обмен информацией, который понятиями культурологии можно обозначить как результат культурной диффузии. Наиболее важным, пожалуй, основным движителем культурогенеза является собственное развитие общества, его адаптация к меняющимся условиям, а не пассивное восприятие пришедших извне культурных образцов. Опыт показывает, что такое восприятие ни на шаг не продвигает общество к новому состоянию (в данном случае – постиндустриальному), поскольку воспринимаемые формы сами по себе не способны коренным образом трансформировать духовную основу общества без его активной созидательной экономической деятельности.

Отсюда и выход на проблему культурной идентичности, вернее, ее утраты в результате трансграничного взаимодействия. Если принять методологию постмодернизма так, как она предлагается, мы действительно не сможем решить данную проблему. Однако если учесть, что процесс культурогенеза есть результат социальной и экономической активности общества, то именно в ней, а не в закрытии границы и контроле над ней заключается спасение. Сохранится и распространит себя за пределы своей системы культура того актора трансграничного взаимодействия, который не закроется в «самобытности», а проявит творческую активность и предложит мировому культурному пространству то, чего кроме него никто предложить не может.

При любой, даже самой строгой оценке результатов научных исследований средствами культурологии, нельзя не отметить ее огромного потенциала в преодолении различного рода идеологических штампов и стереотипов. Не меньшее значение, как видим, имеет культурология для осмысления и решения вполне конкретной проблемы – асимметрии российско-китайского трансграничья. И, пожалуй, самое главное – мы приходим к необходимости пересмотра многих подходов, которые до-

вольно часто осуществляется в отечественных исследованиях, в том числе – в исследованиях забайкальского и дальневосточного трансграничья. В классической лимологии приграничный регион не имел собственного статуса, он являлся ничем иным, как проводником интересов государства. Не имел он и самостоятельной жизни в рамках научных исследований. В отношении отечественного феномена пограничья это означало формулу «центр всегда прав». Новые подходы позволяют по-иному взглянуть на проблему взаимоотношений между центром и трансграничным регионом. Прежде всего это будет мысль о том, что у последнего есть свои интересы и потребности, несводимые к интересам и потребностям центра, в том числе, жизненно важные, удовлетворение которых связано с необходимостью развития общества.

В связи с этим имеется острая необходимость развести понятия «пограничный район» и «трансграничный район», и, соответственно, «пограничное» и «трансграничное» сотрудничество на эпистемологическом уровне. Полагаем, что приграничный район изучается не как самостоятельно существующий объект, а в приложении к проблеме границы и ко всему, что из нее вытекает (безопасность, рубежи и прочее). Этот объект исследования, равно как само понятие, был всегда, в том числе в советской науке. Трансграничье как объект исследования имеет ценность в самом регионе, факторах, особенностях и путях его развития, и граница здесь не является целью, она лишь определяющий фактор. Именно так необходимо рассматривать проблему сегодня, и, безусловно, в рамках регионализации, т.к. именно трансграничный регион, его собственное развитие и процветание, выступают здесь главной целью. Рассмотрение проблемы в рамках «пограничного» дискурса означает, что трансграничная территория вновь оказывается средством проведения государственной политики, теряет самостоятельную ценность, как познавательную, так и практическую.

Заключение

Мы связываем проблему асимметрии забайкальского трансграничья с проблемой модернизации и полагаем, что ее решение невозможно без обращения к имеющимся моделям и подходам к исследованию социально-исторической динамики. Речь идет обо всех более или менее серьезных теориях и концепциях общественного развития, начиная с классических (Тюрго, Маркс, Вебер) и заканчивая современными (теории локальных цивилизаций, теория модернизации, мир-системный подход И. Валлерстайна, различные концепции и теории на базе теоретической истории и исторической макросоциологии). Речь идет о тех подходах, которые направлены на обнаружение фундаментальных закономерностей исторического развития.

На уровне макросоциологии и теоретической истории трансграничье предстает как *зона соприкосновения, взаимодействия и объектив-*

ного противоборства разных долговременных социальных стратегий, каждая из которых формировалась в определенных условиях и стала ответом сообществ на вызов социальной и природной среды.

На уровне социальной философии мы должны констатировать, что имеются фазы исторического развития сообществ, на каждой из которых эти сообщества обладают специфическими особенностями организации и взаимодействия. При этом далеко не всякая долговременная социальная стратегия ведет к формированию современного индустриального общества, следовательно, *научный аппарат должен быть готов к анализу взаимодействия социальных систем, находящихся на разных уровнях общественно-исторического развития.*

Представляется, что имеющееся положение российской части забайкальского трансграничья есть результат избранной обществом долговременной социальной стратегии, в основе которой лежит экстенсивная раздаточная экономика с низким качеством и интенсивностью труда при относительно высоком уровне жизненных стандартов, обеспечиваемом избытком природных ресурсов. Ее формирование происходило посредством «социалистической» экономической модели, на смену которой в конце 90-х гг. пришли огромные средства от продажи сырья и ресурсов и популистская политика власти, выраженная в лозунге «Россия – социальное государство». Единственный путь преодоления асимметрии – отказ от данной стратегии и *переход к интенсивной динамической стратегии.* Только последняя может обеспечить завершение модернизации, т.е. становление современного, способного к дальнейшему развитию индустриального общества.

Применяя наше понимание проблемы модернизации, мы утверждаем, что перевес в трансграничье будет складываться в сторону того субъекта взаимодействия, который максимально быстро сформирует у себя признаки современного индустриального общества. Избегая дискуссии о смысле и направленности истории, ее линейности или цикличности, мы применяем тойнбианскую формулу Вызова-Ответа и констатируем, что принять правила игры современного глобального взаимодействия сможет только общественный субъект высокого уровня профессионализма и ответственности, располагающий достаточно большим культурным и образовательным капиталом, свободно конкурирующий на мировом рынке труда/товаров/услуг. Есть серьезные основания сомневаться, что негативно-мобилизационная государственническая модель развития России способна подготовить такого субъекта, поскольку он является результатом самостоятельного развития общества в условиях свободной конкуренции при минимуме социальной и экономической опеки. В равной мере государственная политика, внешняя и внутренняя, даже самая мудрая и изощренная, не может подменить собой этого активно действующего субъекта. Поэтому решение проблемы трансграничной асимметрии – модернизация российского общества, по-

нимаемая широко, как становление современного общества, включая все его – политические, экономические, технологические, культурные и психологические – аспекты, что и предполагает децентрализацию структур ответственности.

В проводимой идее децентрализации ответственности нет ничего нового, все сказано в рамках теории модернизации, в рамках идей гражданского общества и либерализма. Применяя их к проблеме трансграничья конкретно, можно со всей уверенностью сказать: никто, кроме нас самих, – людей, живущих в трансграничной зоне – наших проблем не решит. Проблема асимметрии есть проблема экономического, социального и, мы уверены, культурного вакуума в российской части забайкальского трансграничья.

Библиографический список

А Янь. Совместное экономическое управление экономикой приграничных районов России, Китая и Монголии // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 173 – 175.

Абалаков А.Д. Трансграничные отношения в период глобального экономического кризиса // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 79 – 100.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 270 с.

Атанов Н.И. Приоритетные сферы регионального и трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 257 – 259.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). – 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). – 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2.: Теория и методология. Словарь. – 594 с.

Базилевич К.В. В гостях у богдыхана (путешествия русских в Китай в XVII веке). – Ленинград: изд-во Брокгауз-Ефрон, 1927. – 216 с.

Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Основные типы и свойства трансграничных территорий // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010а. – С. 17 – 22.

Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Понятие приграничных и трансграничных территорий // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010б. – С. 13 – 17.

Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран

- азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 66 – 78.
- Бакланов П.Я., Тулохонов А.К., Раднаев Б.Л. Введение // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 5 – 9.
- Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. – М.: Госиздат, 1949. – 51с.
- Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. – 488 с.
- Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века: Русско-китайские противоречия в 1911-1919. – М.: ИВ РАН, 1997. – 315 с.
- Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII - середина XIX в. – М.: Наука, 1983. – 206с.
- Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. – 72 с.
- Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М. М.: Восточный Дом, 2002а. – 432 с.
- Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). – М.: Восточный Дом, 2002б. – 464 с.
- Блок М. Феодалное общество // Апология истории или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко; Примеч. и ст. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – С. 122 – 188.
- Бляхер Л.Е. Трансграничное сотрудничество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей желтороссии // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 316 – 346.
- Бондаренко Д.М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. – М.: ИА РАН, 1997. – 71 с.
- Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945-1977. – М.: Мысль, 1977. – 582 с.
- Борисова О.В., Классен Л.И. Развитие приграничной коммерческой деятельности в сфере АПК юга Сибири // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 244 – 247.
- Бредникова О. Последний рубеж // Отечественные записки. 2002. № 6. – С. 276 – 285.
- Бреславец А.А. Российско-японское сотрудничество в сфере установления мер укрепления доверия // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 304 – 314.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 415 с.
- Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. – М.: Высшая школа, 2003.
- Ван Нань. Анализ перспектив российско-китайского экономического сотрудничества в Маньчжурии // Трансграничье в изменяющемся мире: Сборник статей. – Чита – Хулуньбуир: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 25 – 31.
- Ван Сюэлэй. Российско-китайские торговые отношения с XVII по 40-е годы XX века в Хулуньбуире // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуньбуир: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 14 – 25.
- Волынчук А.Б. Геополитическая экспертиза трансграничных территорий // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-

- тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 135 – 156.
- Гарусова Л.Н. Азиатско-Тихоокеанский регион: фактор России // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 179 – 194.
- Галенович Ю.М. Китайское чудо или китайский тупик? – М.: Муравей, 2002. – 144 с.
- Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. – 335 с.
- Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона: коллективная монография. Науч. ред. А.Б. Волынчук; под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – 626 с.
- Герман Ю. Россия молодая. Исторический роман. Кн. 1. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 592 с.
- Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 103 – 122.
- Глазырина И.П. Проблемы качества экономического роста и трансграничное сотрудничество // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 47 – 53.
- Гомбоева М.И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 41 – 46.
- Гомбоева М.И. Человек и природа в культурной семантике бурят-кочевников Внутренней Азии // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 140 – 142.
- Горина К.В., Новиков А.Н. Приграничные особенности территориальной организации Русской православной церкви в Забайкальском крае // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 438 – 454.
- Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. – № 6. – С. 46 – 53.
- Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4. – С. 4 – 24.
- Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. – С. 61 – 74.
- Делюсин Л. Китай в поисках путей развития. – М.: Муравей, 2004. – 448 с.
- Делюсин Л. Китай: Модернизация и учение Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2001. № 7. – С. 8 – 11.
- Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. – М.: Наука, 1966. – 159 с.
- Долгушева А.В., Лазарева В.В. Китайская рабочая сила и обеспечение экономической безопасности Амурской области // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 570 – 582.

- Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937-1945 гг. – М.: Мысль, 1980. – 279 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 574 с.
- Емченко Д.Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11(149). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 11. – С. 47 – 50.
- Ермолаев Т.С. «Перезагрузка» геостратегии России на Дальнем Востоке: есть ли она? // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 347 – 361.
- Жамсаранов М-Б.Ж. Региональная интеграция как фактор безопасности России, Китая, Монголии // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 81 – 84.
- Жамсуев Б.Б. Актуальность развития трансграничного сотрудничества в развитии региональной экономики (на примере АБАО) // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 9 – 12.
- Жанчивын Амгалан. Экономическое сотрудничество: проблемы и приоритеты // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 259 – 262.
- Желтов В.В. Границы в условиях глобализации (геополитический аспект) // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 34 – 65.
- Задорожный В.Ф. Экономическое развитие Забайкальского приграничья // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 537 – 546.
- Зенкова Т.М. К вопросу о традиционной культуре Трехречья Китая // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II – С. 80 – 82.
- Зомбарт В. Современный капитализм. Историко-систематическое исследование общеевропейской экономической жизни от ее зачатков до современности. В 3 т. – Т. 1: Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Полутом 1. – Л.: «Путь к знанию», 1924. – 274 с.
- Зыков А.А. Международно-политический контекст проблем трансграничного сотрудничества // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 101 – 120.
- Игумнова Е.А., Корсун О.В. Опыт, проблемы и перспективы трансграничного партнерства в экологическом образовании: Россия, Китай, Монголия // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. I. – С. 95 – 99.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. – М.: МГИМО, 1995.

- Ильин М. Проблема формирования «Острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Сер. 12. № 1. 1995. – С. 37 – 45.
- Калениченко П.М. Колесник В.П. Граница дружбы и мира: О советско-польском приграничном сотрудничестве. 1956-1979. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1980. – 159 с.
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 1999а. – 575 с.
- Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: Новое литературное обозрение, 1999б. – 328 с.
- Клепикова М.А. Признание и исполнение решений иностранных судов в России и КНР // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 215 – 217.
- Кобылянский В.А. Глобализация и необходимость международного сотрудничества в разработке философско-методологических основ экологического образования // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. I. – С. 77 – 81.
- Кобылянский В.А. Философия социозологии: проблемы общей теории взаимодействия природы и общества. Учебник. – Новосибирск: РИФ-Новосибирск, 2004. – 318 с.
- Ковалев В.В. Хабаровский край в системе международных отношений // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 409 – 420.
- Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. 1998. – Вып. 1. – С. 234 – 278.
- Колосов В.А. Новое российское пограничье: основные особенности и перспективы развития приграничного сотрудничества // Проблемы приграничных регионов России. Под. ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2004. – С. 5 – 11.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5. – С. 106 – 113.
- Константинов М.В. Реальное трансграничье: старинный торговый путь из Забайкалья в Монголию // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 53 – 56.
- Косов Ю.В. Трансграничное региональное сотрудничество: северо-запад России // Полис. 2003. – № 3. – С. 145 – 153.
- Клоков Н.С. Роль России в обеспечении энергетической безопасности Японии // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 282 – 303.
- Кузьмин В.М. Теоретико-методологические основания исследования границ и приграничных территорий // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 89 – 99.
- Кульпин Э.С., Пантин В.И. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 1. Решающий опыт. – М.: ИВ РАН, 1993. – 240 с.

- Кульпин Э.С. Социоестественная история: предмет, метод, концепции. – М.: Открытый университет, 1992. – 192 с.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
- Лаптев В.Б. Проблемы обеспечения безопасности России в современном мире. Методическая разработка. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2008. – 44 с.
- Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: документы и свидетельства участника событий 1937-1952. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 344 с.
- Ли Цзиньбо. Строительство платформы с целью повышения уровня в торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Россией // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 185 – 190.
- Ли Чючен. Вопросы экологии и природопользования в приграничных районах России и Китая // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 154 – 158.
- Лю Чжаоди. Особенности торговли Внутренней Азии с XVII по 40-е годы XX века // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 41 – 50.
- Маклашова Е.Г. Республика Саха (Якутия) в стратегии развития Российской Федерации: пограничные интересы // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 421 – 437.
- Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: ГИПЛ, 1955. – Т. 23.
- Масалова Н.А. Особенности правового статуса Китая в международном сообществе: современный правовой и политический контекст приграничных проблем // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 225 – 227.
- Мещерякова А.А. Приграничная торговля и ее урегулирование в законодательстве Китая и России // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 223 – 233.
- Мигранты и диаспоры на востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. – М.; Иркутск: Наталис, 2007. – 328 с.
- Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. Пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – 240 с.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – 2-е изд. испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000а. – Т. 1. – 548 с.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – 2-е изд. испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000б. – Т. 2. – 568 с.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – М.: Наука, 1980. – 512 с.
- Неклесса А. 2003. Трансгранижье, его ландшафты и обитатели: Отрывок из беседы на берегу Телецкого озера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inesnet.ru/institute/structure/geo/text02.htm>

- Некlessа А. 2010. Русский Мир: цивилизация многих народов // Культурная эволюция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yarcenter.ru/content/view/31892/179/>
- Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
- Новиков А.Н. Диалектическая сущность приграничного геополитического положения регионов // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 22 – 28.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз. – Новосибирск, 1998. – 432 с.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. В. Козловского. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
- Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919 – 1927). – М.: Муравей – Гайд, 2001. – 456 с.
- Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Общественные науки за рубежом. Социология. – М., 1998. № 2. – С. 172 – 173.
- Пелин А.В. Историческая борьба России, Германии и США за Украину // Кадровая политика. – 2003. – № 2. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/22003/ap.htm
- Песцов С.К. Геополитические эффекты трансграничного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: линии сближений, разделов и противостояний // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 158 – 178.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. – 2001. – № 4. – С. 37 – 48.
- Пионтовский И.Н., Мысник В.Г. Опыт регулирования трудовой активности лиц старшего возраста в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 264 – 281.
- Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 7. – С. 4 – 27.
- Понкратова Л.А. Миграционные процессы между Россией и Китаем: этапы формирования и возможные тенденции развития // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 225 – 243.
- Понкратова Л.А. Трансграничная миграция в контактной зоне России и Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур. Вып. 7. / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – С. 62 – 81.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 608 с.
- Порфирьев А.И. Регионализация как процесс повышения роли регионов в международных отношениях: правовой аспект // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 546 – 556.
- Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Байкальский ин-т природопользования [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 610 с.
- Разработка и апробация методов теоретической истории / Под. общ. науч. ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 502 с.

- Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2009. – 412 с.
- Розов Н.С. 2000. Беседа с Тони Стивенсоном [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/index.htm>.
- Розов Н.С. 2008. Стагнация социологии как выражение общего недуга российского обществознания // Публичные лекции на Полит.ру. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/science/2008/10/09/rozov.html>
- Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 109 – 113.
- Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.
- Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1987. – 166 с.
- Романов М.Т., Корниенко О.С. Трансграничное сотрудничество как фактор развития приграничных регионов тихоокеанской России // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 362 – 377.
- Рыжова Н.П. Трансграничный народный рынок // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. мат. международного исслед. семинара / под. ред. В.И. Дятлов. – М.; Иркутск: Наталис, 2004. – С. 153 – 169.
- Рыжова Н. Организация пространства трансграничных городов // Мигранты и диаспоры на востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. – М.; Иркутск: Наталис, 2007. – С. 48 – 67.
- Сараева Н.М. Психологический статус человека в некоторых проблемных районах трансграничья (в Восточном Забайкалье) // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. I. – С. 68 – 76.
- Селиванов А.И. Противостояние цивилизаций и строительство будущего России // Социс. – 2008. – № 4. – С. 21 – 26.
- Семенов С. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2. – С. 159 – 169.
- Сергеев Д.В. Край. Пограничье. Трансграничье. Лимитрофа // Трансгранижье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005а. – Ч. 1. – С. 25 – 32.
- Сергеев Д.В. Постмодернистская модель в осмыслении понятий «Пограничье, Трансграничье, Лимитрофа // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. – Т. 4. – М.: Современные тетради, 2005б. – С. 390 – 391.
- Сергеев Д.В. Смысл границы в информационном обществе // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 113 – 116.
- Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб.: Питер, 2004. 240 с.
- Синякин С.В. Геополитические аспекты безопасности в АТР // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 486 – 495.

- Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). – М.: Наука, 1977. – 368 с.
- Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // Война и геополитика. Альманах «Время мира». – Вып. 3. – Новосибирск, 2003. – С. 288 – 300.
- Сторожева А.О. Современный Китай и глобальный экономический кризис // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 209 – 224.
- Стрижова Т.А. К анализу эколого-социальных проблем приграничных регионов (на примере Восточного Забайкалья) // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 60 – 64.
- Субботина Н.Д. Трансграничье и транскulturность // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. I. – С. 62 – 67.
- Сунь Ваньху. Предложения по повышению уровня регионального экономического и научно-технического сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией в период 2006 – 2010 годов // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 159 – 163.
- Сунь Юнсян. Сотрудничество между Россией и Китаем в сфере природных ресурсов: современное состояние, проблемы и пути их решения // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 169 – 173.
- Таскаева С.В. К вопросу о трудовой миграции в Читинском регионе // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 250 – 257.
- Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 16 – 24.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- Трубицын Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация»: конструкты и сущность // Социс. 2010. № 5. – С. 3 – 12.
- Тулохонов А.К. Проблемные ситуации устойчивого развития приграничных и трансграничных территорий // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 29 – 43.
- Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. – М.: УРСС, 2007. – 368 с.
- Тушков А.А. Трансграничные регионы в системе национальных интересов как предмет научного исследования // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010а. – С. 524 – 545.

Тушков А.А. Трансграничные регионы в системе национальных интересов современного государства // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010б. – С. 496 – 523.

Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.

Фролова Я.А. Заключение // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010а. – С. 583 – 586.

Фролова Я.А. О трансграничности милитарных районов // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010б. – С. 557 – 569.

Хобта В.В. Геополитический интерес России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 121 – 134.

Ху Жэнься. Анализ сдерживающих факторов и контрмер сотрудничества России и Китая в сфере трудовых услуг // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 128 – 133.

Цзинь Чжао. Создание новых форм экономического сотрудничества приграничных районов России, Монголии и Китая // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 22.

Цзинь Чжао. Ускорение российско-китайского двустороннего сотрудничества как важнейший фактор развития региональных экономик // Трансграничье в изменяющемся мире: Сборник статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. I. – С. 22 – 24.

Цзян Чженьцзюнь. Предложения по осуществлению стратегического развития регионального экономического сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 167 – 169.

Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. 2003. № 10. – С. 3 – 17.

Цымбурский В. Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. – С. 6 – 23.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Полн. собр. соч. и избран. письма. – Т. 1. – М., 1991. – С. 320 – 441.

Чжао Синь. Международное сотрудничество в планах социально-экономического развития регионов России и Китая // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 195 – 208.

Чжао Юньшен. Природа, способы жизнедеятельности и хозяйствования, песни и танцы народов Северо-Восточной Азии в районе трансграничья: Китай, Россия, Монголия // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. – Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – Ч. II. – С. 142 – 153.

- Шинковский М.Ю. Трансграничность с точки зрения политической науки // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 10 – 33.
- Шинковский М.Ю. Место трансграничного сотрудничества в развитии российского Дальнего Востока // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 30 – 41.
- Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970/ Vol. 169. P. 733 – 738.
- Carneiro R. The Circumscription Theory Challenge and Response // *American Behavioral Scientist*. 1988. № 31. P. 497 – 511.
- Carneiro R. *The Muse of History and the Science of Culture*. Kluwer Academic, Plenum Publishers. 2000.
- Collins R. *Conflict Sociology*. N.Y.: Academic Press, 1975.
- Diamond D. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. N.Y.: W.W. Norton and Company, Inc, 1997.
- Federalizm. *Teorie i koncepcje* / Red. W. Bokajlo. – Wrocław: Uwr, 1998.
- Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press. 1991.
- Goudsblom J., Jones E., Mennell S. *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. M.E. Sharp, 1996.
- Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economical Forces. 1950 – 1957*. London, 1958.
- Hellie R. *The Structure of Russian Imperial History. – History and Theory. Studies in the Philosophy of History*. 2005. vol. 44, № 4.
- Hempel C. *The Function of Universal Laws in History* // *J. of Philosophy*. 1942. Vol. 39. P. 209 – 227.
- Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St. D. *International Organization and the Study of World Politics* // *International Organization*. – 1998. – V. 52. № 4. – P. 645 – 686.
- Kolossov V., Loughlin J. *New Borders for New World Orders* // *GeoJournal*. 1998. – Vol. 44. – № 3. – P. 259 – 273.
- Ljung B. *EFTA Countries and European Transformation* // *The International Spectator*. Jan.-March. – 1992. P. 100.
- Shils E. *Center and Periphery*. Chicago, London. 1975.
- Skocpol Th. *States and Social Revolutions*. N.Y. Cambridge Univ. Press, 1979.
- Snooks G. *The Laws of History*. L.; N. Y.: Routledge, 1998.
- Stonequist E.V. *The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict*. N.Y.: Russel & Russel, 1961. – 230 p.
- Turner J. *Macrodynamics: Toward a Theory on Organization of Human Populations*. Rutgers Univ. Press, 1996.